

IX

√1

АЛЕКСАНДРА ЗАСКАЛЕТО

Солнечные
зайчики

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
3-36

Заскалето, Александра.

3-36 Солнечные зайчики / Александра Заскалето. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Паутина. Триллеры известных российских блогеров).

ISBN 978-5-04-164258-7

В элитном многоэтажном доме течет мирная жизнь. Но мирная она только с виду. Кто-то подбрасывает трупы жильцам, словно проверяя на прочность их психику и обнажая самые темные стороны их души. Впрочем, не каждый готов вызвать полицию, ведь среди жильцов есть те, кто от нее скрывается...

Ситуацию усугубляет еще и то, что установить личности погибших невозможно, поскольку они похожи друг на друга как две капли воды. А все попытки найти убийцу приводят к единственному выводу: у жильцов дома гораздо больше общего, чем только адрес проживания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Заскалето А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2022

ISBN 978-5-04-164258-7

ГЛАВА XII

ВАЛЕРА

— Твою мать!

— Да не ори ты! — раздалось в ответ.

— Да твою же мать! — не унималась девушка. На лице блондинки смешались удивление, смятение и негодование. — Я это разгребать не буду! Не буду, не буду!

— Куда ты денешься? — спокойно ответил ей мужчина в спортивном костюме.

Он был на голову ниже своей собеседницы, но тем не менее держался так, словно был выше и сильнее всех, кто находился в комнате. Правда, в комнате их было всего двое. Если не считать тела.

— Трупак! Твою ж мать! — выдохнула в очередной раз блондинка. — Мертвецкий трупак! Ну как так-то?!

— Валера, вот ты вроде филолог, а выражения у тебя сплошь избыточные, одни плеоназмы. Надоело уже. «Мертвецкий труп»! Кошмар просто! — искренне возмутился мужчина, расставляя на полу пакеты, которые держал до этого в руках.

Когда он обращался к Лере как к «филологу», он всегда ожидал получить в ответ бурю негатива. Но на этот раз девушка с головой ушла в проблему и колкость не заметила, поэтому мужчина просто сел на табурет в углу комнаты и стал смотреть на подругу так, будто своими плеоназмами она оскорбила его до глубины души.

— Чего?! То есть тебя сейчас именно это беспокоит? То есть, пока этот мужик сидит тут в луже кровищи посреди моей кухни, тебя заботит избыточность моих выражений?! Спортсмен, ты дебил или прикидываешься?!

От напряжения блондинка покраснела. Ее красивое удивленное лицо стало похоже по цвету на лужицу крови рядом с трупом.

— Успокойся, Валера. Уже нельзя поразмышлять вслух? Тебя раньше такие вещи успокаивали... Ну, чего ты? В первый раз, что ли, у тебя тело в квартире? Ну труп, ну мертвый... Тьфу, я уже заговорил, как ты. В общем, справимся, не паникуй.

Лера не успокоилась. Открыв окно, она села на подоконник. Когда она прикуривала сигарету, руки ее дрожали, но лицо казалось спокойным. Хотя голос в очередной раз выдал все эмоции, которые она сейчас испытывала.

— Ну как же так? Как он тут оказался? Такое никак не могло случиться! — почти плакала она. — Все же было хорошо! Все так хорошо было! Этот труп вообще никуда не вписывается! Мама дорогая!.. Я не знаю, что делать. Я впервые не знаю, что делать со всем этим... Ай, пада!

Сигарета обожгла ее пальцы, и она выронила окуроч. Он полетел вниз с двенадцатого этажа элитной новостройки и упал прямо на клумбу. Лера проследила за ним взглядом и потом еще какое-то время смотрела на цветы, думая, что делать с трупом в собственной квартире.

— Игнатъич, ты мне только одно объясни: даже если это один из наших трупов, какого хрена он делает в моей квартире в таком виде? — Блондинка укоризненно смотрела на Спортсмена. — Ну, рассказывай! Ты-то должен знать! Он решил меня подставить? Захотел всех собак на меня повесить? Мол, если я эти трупаки последняя вижу, мне и отдуваться перед ментами?

— Успокойся, сказал же! — Семен начал нервничать. Правда, не от повышенного тона блонди, а от того, что впервые видел, как она теряет самообладание. — Если бы он хотел от тебя избавиться, поверь мне, он сделал бы это не таким способом.

— Позвони ему, спроси. Узнай уже что-нибудь наконец!

— Да не ори ты! Он же сам всегда звонит. Да и секре-

тарь на него сегодня не переключит... Вместо того чтобы паниковать, принялась бы лучше за дело! Или ты надеешься, что он оживет и сам тут все приберет? — попытался пошутить Спортсмен.

— Ни хрена, блин, не смешно, ну ни капельки, — отчеканила Лера.

— Да ладно тебе. Из-за чего столько шума-то, я никак не пойму?

Семен Игнатьевич на самом деле был удивлен. Не трупу, нет. А тому, как Лера реагировала на стандартную в их деле ситуацию.

— Ты забыл, какой сегодня день?

— Валера, я тебе не муж, чтобы знать, когда у тебя ПМС, или помнить про твой день рождения. Так что вопрос явно не по адресу.

— Семен Игнатьич, я тебе об этом дне говорила и напоминала не одну неделю. Потому что, твою мать, мать твоего босса и ее мать, у меня сегодня должен быть выходной! Первый за несколько месяцев выходной! Я не должна сегодня работать, не должна!

Лера переместилась с подоконника в кресло, стоящее рядом с окном, откинулась на спинку и закрыла глаза. Губы она сжала так сильно, как будто ей было больно. Так она просидела несколько минут.

Семен Игнатьевич не мешал ей «плакать», как она называла это состояние. Поскольку Валера в жизни не плакала (по крайней мере, он этого не видел), она говорила, что таким образом выплескивает сожаление, отчаяние и то состояние, когда до слез было совсем чуть-чуть. Спортсмену оставалось только ждать, когда блондинка придет в себя и начнет действовать.

В конце концов, все всегда зависело от нее, она лучше всех придумывала, как избавиться от трупа. За три года, что она проработала в его команде, Игнатьич понял, что Валера не умеет ошибаться. Полиция ни разу не побеспокоила их на предмет причастности к каким-либо убийствам, совершенным в городе. Не сказать, чтобы

этих убийств было много... Хотя, конечно, их было много, раз Валера работала не покладая рук. Но убивали они не каждый день. Нет, конечно. У них насчитывалось всего три-четыре, ну максимум восемь трупов в месяц. Правда, восемь трупов случились всего один раз за всю их карьеру. Просто некоторые из придумок блонди требовали больше времени на воплощение.

Размышляя о том, какой же все-таки Валера бесценный работник, Семен Игнатьевич не заметил, как она встала с кресла и начала шарить по карманам жмура. Справедливости ради надо сказать, что мертвый мужик действительно был не на его совести и не на совести его ребят. И тем интереснее было узнать, кто он такой и откуда взялся.

— Ну что там? — поинтересовался Спортсмен. — Права, паспорт, бумажник — есть что-нибудь?

— Во-первых, как ты, наверное, заметил, на нем, кроме штанов, ничего нет, так что и карманов у него немного, — говорила Лера, пока ее руки в латексных перчатках обследовали джинсы. — Тут ничего... Слева тоже ничего... А сзади... Подожди, что-то есть.

Лера вытащила из заднего кармана сложенный вчетверо листок бумаги, развернула и прочитала вслух:

— Улица Некрасовская, дом 8, квартира 47, Валерия Самсонова, 8-9XX-XXX-XX-X4.

— Так это твой хахаль, что ли? — после минутного молчания спросил Семен Игнатьевич. Ему надо было что-то сказать, потому что у Леры было такое лицо, будто она только что вылупилась из яйца и совсем ничегошеньки не понимала.

— А?

— Хахаль, говорю, твой?

— Ты дурак? — начала приходить в себя Лера. — Думаешь, я не помню, с кем сплю? Я еще не настолько движутая.

— А откуда тогда у него твой адрес и номер телефона?

— Вот в этом-то и проблема, — медленно ответила Лера.

Она подумала несколько секунд, затем подошла к окну, взяла зажигалку, подожгла листок и положила его догорать в пепельницу.

Когда с этим было покончено, Лера вернулась к трупу. Она ощупала второй задний карман, но, не найдя там ничего, принялась осматривать его голову. Казалось, она окончательно пришла в себя и теперь наконец думала только о деле.

— Сейчас я его осмотрю, постараюсь понять, от чего он умер, потом мы завернем его в один из наших ковров и положим в твою машину.

— Чего-о-о?! Ты стукнулась? — Спортсмен вскочил с табурета, на котором до сих пор мирно сидел, и подлетел к Лере. — Какого хрена ему делать в моей машине?! Я там покойников не вожу! Забыла, что у нас для этого есть рабочий транспорт?

— Семен Игнатьич, этот мужик не наш, он внеплановый, я не могу с ходу придумать, куда его деть.

— Ну, пусть у тебя переночует, не первый же раз. Отнесем его в твою «кладовую», и пусть себе лежит. А завтра ребята тебе помогут перевезти его на работу.

— Нет, — отрезала Лера.

Она уже опустила на колени и осматривала лодыжки мертвого мужика. Засучив правую штанину, она ощупала голень, осмотрела стопу. Потом все то же самое провернула с другой ногой.

— Что значит «нет»? Не глупи! — пытался вразумить Леру коллега. — Я тебя сегодня совсем не узнаю! Ты так ведешь себя, будто все это в первый раз! Как будто ты ни разу не оставляла и не крошила трупы в своей квартире. Валера, что за фигня? Зачем нам этот геморрой — с ковром, моей машиной и твоей срочностью? В чем дело-то? Да, я понял, что у тебя должен быть выходной, никаких трупов и бла-бла-бла, но, раз такая ситуация, нельзя, что ли, сделать как всегда: видим труп, несем его в «кладовую», дальше ты химичишь, как твоей душе угодно, а мы берем рабочую машинку и везем тело или то, что от него

осталось, туда, куда ты скажешь? Все просто, как дважды два — восемь!

— Сегодня никаких трупов и их следов в этой квартире быть не должно. Это окончательно и бесповоротно. Точка.

— А чего так? Я ведь просто прошу объяснить.

— У меня сегодня свидание. Здесь, в этой квартире, — ответила Лера, не глядя на Спортсмена.

Она уже была полностью увлечена любимым делом и первые секунд тридцать даже не замечала, как Семен Игнатьевич ржет. Потом до нее дошло, что смеется он над ее последними словами. Она поднялась и сурово посмотрела на собеседника:

— Че ты ржешь?

— Ты... ха-ха!.. Ну, ты... ха-ха-ха! — Игнатьич никак не мог остановиться, смех согнул его пополам, но он ничего не мог с собой поделать. — Ну, ты даешь — свидание! Вот выдумала! Ладно, в то, что ты потрахиваешься изредка, я еще могу поверить, но СВИ-ДА-НИЕ! Ха-ха-ха! Хорошая шутка!

— Семен Игнатьич, это не шутка. Я серьезно говорю, ко мне вечером придет мужчина. Важный, нужный мужчина, понимаешь? Вот этого, — она показала рукой на труп, — он точно не должен видеть.

Лера говорила самым суровым тоном, на какой только была способна. Она знала, что уговорить Игнатьича засунуть этот чертов труп в его личную машину практически невозможно, но попытаться стоило.

— Лера, нет. К себе в машину я его не положу.

Спортсмен вмиг стал серьезен. Он говорил спокойно и очень тихо. И по тому, что он назвал ее Лерой, блондинка поняла — все уговоры бесполезны. Она подумала было попробовать начать умолять его, но уже знала, что это тоже не поможет.

Машину Игнатьича в их команде называли НЗ, и для своего хозяина она действительно была неприкосновенным запасом. Даже в 90-е, когда Семен Игнатьевич Х.,

будучи уже авторитетным бизнесменом, то есть довольно известным преступником, в один непрекрасный момент лишился всего, машину он не продал. Он отвез свою «Импалу» 67-го года выпуска в какую-то глухую деревню и оставил там до лучших времен. Машина за несколько лет ожидания этих лучших времен утратила былой лоск, но когда Игнатъич перегнал ее в город, он уже мог себе позволить обновить и улучшить свой драгоценный раритет. Кстати, откуда у простого советского учителя русского языка появилась такая машина, никто не знал. Но факт остается фактом: даже сейчас Спортсмен из всей команды на «Импале» возил только Леру и только в случае крайней необходимости. Ну, или если ей было «очень-очень надо, ну пожалуйста».

Вот и сегодня утром Валера, у которой не было прав, попросила Семена Игнатъевича свозить ее в супермаркет. А когда он помог занести в квартиру все ее пакеты, их уже ожидал труп.

Прокручивая в голове события сегодняшнего утра, Спортсмен вдруг понял, что Леры не было дома всего два часа. Как за это время на ее кухне материализовался мертвый мужчина — еще одна загадка этого дня. Первой же загадкой было «какое, на хер, свидание может быть у Валеры». Но эту тайну лучше не раскрывать, чувствовал Семен Игнатъевич.

— Слушай, я тебе никак не смогу помочь избавиться от этого трупа как минимум из-за того, что сейчас день на дворе. Но разобраться хочется. В любом случае, кто бы его ни убил, он сделал все быстро — тебя ведь не было всего пару часов.

— Я об этом уже подумала, но сейчас мне нужно понять, куда его спрятать, и побыстрее. Игорь придет уже скоро, а мне еще все подчистить надо.

— Игорь... Ну-ну! Я так понимаю, он не в курсе, кем и где ты работаешь? — сделал вывод Семен Игнатъевич.

— Нет, блин, я ему на первом же свидании рассказала, что работаю внештатным патологоанатомом-дефис-по-

трошителем у местного бизнесмена-дефис-неофициального хозяина города-дефис-серийного убийцы.

— Что-то много дефисов. Что ж ты тогда работаешь у него, раз он такой? Ах да! Маньячек-то не везде принимают на работу! Высшее образование, санитарная книжка, знание языков — кучу требований нынче предъявляют к специалистам этого профиля, — снова пошутил Спортсмен. — Хотя крошишь ты людей идеально, чего им еще надо?

— Очень смешно, ха-ха-ха, — состроила недовольную гримасу Лера.

Она взяла из рабочей сумки пробирку и собрала в нее немного крови из лужи на столе.

— Сам-то ты не в восторге от такого начальника — вечно жалуешься на переработки, ночные вылазки, да и вообще на все. Что ж не уходишь?

Блондинка укоризненно посмотрела на Семена Игнатьевича. Он опустил глаза. Лера знала, что задела его за живое. Да и себя тоже.

Они то и дело задавали себе исключительно риторический вопрос: когда все это кончится? И оба знали ответ: никогда. Их начальник — единственный человек в этом городе, который мог удовлетворить странные потребности этих двоих: ему постоянно нужно было избивать кого-то, а ей бесконечно хотелось копаться в мертвых телах. Он мучил людей до смерти, а она — после. Они оба были хладнокровными извергами, кончеными психами и опасными маньяками, хоть последнее определение не признавали. Поэтому они и не уходили от своего шефа — еще больше двинутого на убийствах самодура. Последнего забавлял только процесс запугивания и морального изматывания жертвы, а с его деньгами он мог позволить себе делать это так часто, как только хотел. Так что да — работы у этой парочки было много. Но самое главное — они практически никогда не задумывались над тем, что за люди их «клиенты». Хорошими они были или плохими? Остались ли у них семьи? Был ли с ними знаком их начальник или это случайно выбранные жертвы? Практиче-

ски никогда. Но все же были редкие моменты, когда они просто люто ненавидели своего босса. Босса, но не себя. В этом заключалась вся их маньячная суть.

Лера отложила пробирку с образцом крови покойника, сняла перчатки и подошла к окну.

— Давай покурим? — предложила она Игнатьичу.

Он тоже подошел к окну и оперся на подоконник. Закурив, оба как будто почувствовали себя лучше, но и он, и она по-прежнему думали об одном — когда все это кончится и хотят ли они, чтобы это заканчивалось.

Спортсмен решил разрядить гнетущую задумчивую тишину.

— Ну что, как, по-твоему, он умер? — вернул он коллегу в реальный мир.

— Слушай, это очень прикольно! — вмиг повеселела та. — У него из внешних повреждений только ссадины на кулаках, значит, он пытался отбиваться, но недолго. Хотя вроде эти ссадины не настолько свежие. Не сегодняшние точно. Я думаю, он подрался на днях. Положу его на стол, поищу гематомы — тогда узнаю наверняка, — размышляла вслух блондинка.

— Так, а умер он от чего?

— Это самое интересное. Смерть наступила после удара чем-то острым и тонким. Били в затылок и с огромной силой. Видишь отверстие во лбу?

Лера уже докурила и подошла к столу, за которым полусидел, полулежал жмурик. Семен кивнул, и Лера продолжила осматривать дырку в трупe.

— Оно выходное, очень маленькое. Я пока даже не пойму, что было орудием убийства. Один точный быстрый удар — и привет. Но крови немного. В общем, вскрытие покажет и расскажет, — улыбнулась Лера.

— То есть ты уже не хочешь по-быстрому от него избавиться?

Семен Игнатьевич знал, что Лера этот неизвестный труп теперь из рук не выпустит, пока во всем не разберется. И пока не покрошит его основательно.

— Ай, сам знаешь, что нет. Помоги мне отнести его в «кладовую» и езжай уже... Подожди только, я подготовлю все, — сказала Лера и вышла из комнаты.

Семен Игнатьевич, при всех своих садистских наклонностях, не любил заходить в Валерин рабочий кабинет, или, как она его называла, «кладовую». Ему было странно видеть человеческое тело в разобранном состоянии, а там этого добра было навалом. Валера, как он ласково называл свою коллегу, любила оставлять невостребованные части трупов себе. Придумывая заново, как они умирали, она часто увечила их, оставляла то без руки, то без ноги, то без глаза, то без языка и так далее. Весь этот неликвид девушка бережно хранила у себя в квартире. Когда Семен Игнатьевич впервые увидел, как эта хрупкая красивая блондинка с невозмутимым видом вскрыла черепную коробку, достала мозги, понюхала их, что-то записала и убрала их в холодильник, он решил, что никакая она не Валерия, а самая настоящая Валера — баба со стальными яйцами. И впоследствии она, кстати, не раз это доказывала.

Подробности о юности и студенческих годах этой любительницы мертвечины на момент знакомства Семену Игнатьевичу были неизвестны, но за годы, проведенные вместе, он выяснил, что она филолог по образованию, как и он. И только дураку не было понятно, что по профессии она не проработала ни дня — ну не бывает таких учителей, преподавателей, редакторов и репетиторов, просто не бывает. А когда она в первые же дни их совместной работы допустила в разговоре несколько безумно смешных ошибок в ударении, он понял, что настоящей учебой на филологическом здесь и не пахнет. Тогда он стал доставать «образованную» блондинку на предмет того, чем же она на самом деле занималась во время учебы.

Валера вкратце рассказала, что с детства увлекается анатомией, особенно она любила изучать трупы животных. Само собой, родители такого безумия не одобряли. Но Лера уже тогда поняла, что хочет учиться только в медицинском вузе. Когда «злые предки» засунули ее по-

сле школы на филфак, она якобы отлично отучилась там все пять лет. На самом же деле в год окончания школы девушка поступила в мед и на занятия ходила только туда. Родителей она успешно обманывала, благо они не часто хотели встречаться со своей замкнутой и помешанной на анатомии и причинах смерти дочерью. Спустя пять лет «обучения на филфаке» Лера купила диплом, где говорилось, что она квалифицированный филолог. Сама же она к тому моменту была в числе лучших студентов одного из медицинских университетов Москвы, которой оставался год до «госов» и диплома, а после учебы она планировала пройти интернатуру и стать первоклассным судмедэкспертом. Но однажды ее застали за вывозом трупа из учебного морга. Она, естественно, не объяснила, зачем это сделала. Как водится, последовали скандал и отчисление.

Но Семену ее диплом был неважен. Достаточно того, что в нужный момент Лера оказалась профессионалом своего дела, готовым судмедэкспертом, без «корочек», но с подходящими для его босса наклонностями. И ко всему прочему, Лера была без лишних запросов и согласилась переехать в их город.

Пока он сидел, курил и вспоминал все это, Валера вернулась на кухню с огромным куском полиэтилена. Семен Игнатьевич потушил окурок, слез с подоконника и подошел к столу с мертвым мужиком. Она протянула ему перчатки, бахилы и полиэтиленовый фартук. Сама хозяйка «кладовой» уже была готова и напоминала врача в операционной — шапочка, халат, точно такой же фартук, перчатки и бахилы. Лера взяла покойника за голову, медленно подняла верхнюю часть туловища и облокотила его на стул.

— Давай, помоги мне, — скомандовала она Спортсмену.

Семен Игнатьевич понял, что надо делать. Он взял труп под мышки и поднял его, а Лера в этот момент отодвинула стул и расстелила полиэтилен. Схватив тело за ноги, она с трудом приподняла его. Дальше они как можно аккуратнее, чтобы не капала кровь, уложили тело на подстилку.

Таким образом очень удобно оказалось транспортировать его до комнаты в дальнем конце квартиры.

Донеся труп до «кладовой», коллеги остановились передохнуть.

— Дальше сама? — с надеждой спросил Спортсмен.

— Игнатъич, как я его на стол-то подниму?.. Хватит уже бояться, там всего лишь части тела, они тебя не укусят... Ну, разве что этот мужик, — пошутила Лера.

— Ладно, пошли, только быстрее, — с тревогой в голосе сказал Семен Игнатъевич.

Он снова схватил свою часть импровизированных носилок, Лера взяла полиэтилен с другой стороны. Приподняв тело, они внесли его в комнату, очень похожую на прозекторскую обычной больницы: разделочный, как его называл Семен Игнатъевич, стол посредине и множество полок, шкафов и холодильников вдоль стен. Комната была просторная и прохладная. Дойдя до стола, они с усилием водрузили на него труп.

— Ну ладно, я поехал. Пожалуйста за все. Провожать не надо, — выпалил Семен Игнатъевич и быстро пошел прочь из «кладовой».

— Обмундирование сними! — только успела крикнуть ему вслед Лера, и когда из коридора донеслось сердитое «черт!», она засмеялась.

Через минуту хлопнула входная дверь, и она поняла, что Игнатъич ушел.

Лера оценила, ровно ли лежит тело, и, убедившись, что труп не свалится, снова пошла на кухню, прихватив по дороге ведро для уборки, которое всегда стояло наготове на случай, если ей приходилось брать работу на дом. Чаще всего она занималась этим в специальном кабинете в специально отведенном здании в специально выбранной глуши, куда приехать мог только тот, кто знает об этом месте. Но случалось, что Игнатъич и его парни привозили трупы к ней домой. Виртуозы маскировки, кровавые фокусники или беспечные кровожады — как их ни назови, но работнички шефа были все как на подбор

отъявленными негодяями, способными на тихие, скрытные, незаметные для посторонних глаз безумства вроде доставки тел средь бела дня на 12-й этаж новостройки. А здесь, в модной просторной квартире с потайной комнатой, случалось всякое, то одно отвалится, то другое. Оттирать кровь и прочий человеческий биоматериал от паркета, обоев и мебели — задача не из простых, но у Леры в плане уборки рука была набита. Первое время работа на дому жутко напрягала ее как раз тем, что сбоку и снизу жили соседи, которых она не знала, но наличие которых ее нервировало. Снимать потом стресс помогала как раз любимая, обожаемая работа. Так что со временем даже самые неожиданные визиты Игнатъича и его команды раздражать перестали. Тем более что и случаи все были интересными, обязательно приходилось что-нибудь отрезать, кромсать, ломать.

Вернувшись на кухню, Лера принялась стирать кровь со стола и напольной плитки. Дело растянулось на полчаса, так что у блондинки было время подумать над тем, откуда в ее квартире взялся бездыханный гость. Еще когда они с Игнатъичем вернулись из магазина, она сразу осмотрела окна. Не было ни единого намека на взлом. Дверь она открыла своим ключом и, войдя, по привычке проверила сигнализацию, которая оказалась в порядке. В квартире напрочь отсутствовали следы постороннего человека — того, кто принес сюда труп или убил неизвестного прямо здесь. Это странно. И хотя Лера любила странности, сейчас они ей на фиг были не нужны — могло сорваться первое за многие годы нормальное свидание.

Она совсем не хотела отменять его, потому что они с Игорем шли к этому дню очень долго. Размахивая окровавленной тряпкой, Лера с улыбкой вспоминала, как познакомилась с этим красивым полицейским. Вернее, как он с ней познакомился. По роду своей деятельности она избегала встреч с ментами и поначалу опасалась. Когда он задержал ее за нарушение ПДД (Лера перешла дорогу на красный свет), она подумала, что он прикалывается.

А когда сержант Панов начал составлять протокол, она попробовала сунуть ему денег. Он же пригрозил статьей за дачу взятки должностному лицу, внес данные нарушительницы, включая номер телефона, и пристально посмотрел на нее. Видя, что Лера чуть не плачет, сержант Панов снова принялся что-то писать, а через пару секунд протянул бумажку с цифрами и подписью.

— Если согласитесь поужинать со мной, я принесу протокол и разорву его при вас, — улыбнулся симпатичный полицейский.

Лера такого поворота не ожидала и даже не нашла что ответить.

— Подумайте и позвоните мне, — подмигнул Игорь, а затем развернулся и ушел.

Лера так и осталась стоять на тротуаре возле светофора. Постояв и подумав несколько минут, она порвала записку с его номером телефона и пошла по своим делам — не хватало ей еще свиданий с ментами.

Прошло примерно недели три, и у Леры стерлась из памяти эта встреча. Поэтому когда ей с незнакомого номера пришла СМС с текстом «Привет! Как дела? Что делаешь?», она решила, что кто-то ошибся номером. Через пару минут «незнакомый номер» уже настойчиво названивал. Взяв трубку, она хотела сказать: «Вы ошиблись, не звоните сюда больше», и вдруг услышала:

— Привет, Валерия. Это Игорь. Не дождался от тебя звонка и решил сам позвонить.

— Какой Игорь?

— Ну, полицейский! Переход на красный свет, протокол, поужинать — помнишь?

— А-а-а, да, вспомнила. Вы серьезно, что ли, тогда говорили? — удивилась девушка.

— Конечно! Приглашение на ужин еще в силе. Кстати, ты не ответила, как у тебя дела и что ты делаешь.

Лера прямо увидела, как ее собеседник улыбается. Она тоже улыбнулась, когда представила, как ответит этому дерзкому, упрямо «тыкающему» менту, что у нее все пре-

красно и как раз сейчас она отрезает пальцы на правой руке одному из своих «клиентов».

— Дела отлично. Я сейчас на работе, поужинать сегодня с вами не смогу, — сухо ответила она.

— А завтра? — не унимался кавалер.

— И завтра тоже не получится. Возможно, никогда не получится, — отрезала Лера.

— Значит, сделаем так: я буду звонить каждый день, узнавать, как твои дела и сможешь ли ты со мной поужинать. Когда ответишь, что готова, тогда встретимся, — предложил собеседник.

«Ну давай, давай. Только не дожدهшься», — подумала Лера, а вслух на автомате сказала:

— О'кей, — и нажала отбой.

Она даже подумать не могла, что Игорь и в самом деле станет звонить ей каждый день и звать ее на свидание. Но он так и сделал. Их телефонный роман тянулся достаточно долго, прежде чем она наконец поняла, что ей, черт возьми, все это нравится — и такие ухаживания, и Игорь, и само ожидание встречи с ним. Решив, что с него достаточно, Лера примерно через три месяца после первого звонка ответила «да» своему поклоннику на очередное приглашение на ужин.

Конечно, ей пришлось основательно попотеть и уладить все на работе — сделать так, чтобы не было срочных дел в тот самый вечер первого свидания. К счастью, тогда им никто не помешал и ужин прошел отлично, Лера впервые за многие годы почувствовала себя женщиной. Игорь был внимателен, галантен и очень хорош собой. «Красивый мент! Как меня так угораздило?» — грызла она себя тогда.

И хотя девушка боялась продолжать эти отношения, она все же не отказалась от второго свидания. Правда, все пошло не так. Только через месяц после первого ужина Лера наконец смогла выкроить свободный вечер. Но когда они с Игорем доедали десерт, ей позвонил Игнатъич. Пришлось ехать на работу. А она так надеялась на секс!

Что там мама говорила в ее юности, секс на десятом свидании? Маме хорошо, у нее был папа. А у Леры нор-

мального секса не было лет семь, кажется. Хотя какое там — нормального секса у нее вообще никогда не было. Она ловила большой кайф от своей работы, нежели от соития. Но вот именно с Игорем близости очень хотелось. Последние пару месяцев Лера только об этом и могла думать — о сексе с Игорем. Она не раз намекала на это своему бойфренду, напрашивалась даже к нему домой, но он говорил, что стесняется своей квартиры бедного полицейского, а она «девушка красивая и статная, ей нужен комфорт и красота». Тогда она закинула удочку насчет гостиницы, на что Игорь ответил, что не зарабатывает столько, чтобы позволить номер в отеле хотя бы на ночь. Она уже начала думать, что он, наверное, нашел другую, разлюбил ее (а он говорил, что любит) или, может, он вообще гей — короче, запарила свой мозг обычной женской хренью. И однажды на очередной намек на постель Игорь сказал, мол, почему бы им не поужинать с продолжением у нее. Лера, естественно, за несколько месяцев их романа ни разу не приглашала его к себе, поскольку в ее квартире никому, кроме Игнатъича и его парней, нельзя появляться. За визиты мужчин Леру никто бы не отчитал и не отстранил от дела, однако она давно поняла, что с ее специализацией лучше в принципе не заводить контактов, таких близких уж точно. В общем, она долго отнекивалась от домашнего ужина с Игорем, но природа взяла свое, и она сдалась. А все гребаный секс! И сегодня она очень надеялась, что он произойдет.

Лера не была девственницей, но ни один бывший любовник не смог сделать так, чтобы секс стал неотъемлемой частью ее жизни, тем, чего нормальные женщины постоянно хотят и чем умеют наслаждаться.

Впервые Валерия Самсонова задумалась о сексе много позже, чем ее сверстницы, только на четвертом курсе, то есть уже после двадцати лет. И, откровенно говоря, тогда даже не она задумалась о нем. В тот вечер о сексе задумался ее одноклассник, напившийся в хлам на студенческой вечеринке. Лера была уверена, что не вызывает абсолютно

никакого интереса у противоположного пола — невысокая, худая, с небольшой грудью, тускловатыми темно-русскими волосами, по-ботански собранными в пучок, и зелеными глазами, спрятанными за очками. Конечно же, отсутствие секса в ее жизни можно было объяснить еще и тем, что сама она была необщительной, замкнутой, помешанной на учебе. Ее гораздо больше интересовали трупы, чем живые люди с их естественными потребностями. Лера знала, что такое секс, но никогда не чувствовала влечения.

Девушка попала на вечеринку случайно, сидела весь вечер в углу, пила шампанское и, как обычно, ни с кем не общалась. Иван, ее одноклассник, к полуночи был очень пьян, и только так Лера могла объяснить его настойчивое внимание к ней. Он начал с разговора об учебе, о преподавах, будущей интернатуре и так далее. Слово за слово, они перебрались в одну из комнат, где никого не было, он начал ее целовать, плести всякую чушь, что она ему давно нравится, и так далее. Лере были по барабану его слова, она в тот вечер просто твердо решила лишиться девственности. В научных, конечно же, целях. И без разницы с кем.

Первый раз был отвратителен, девушка не получила никакого удовольствия. Даже наоборот, она решила, что на этом их с сексом отношения должны закончиться. С Иваном она старалась больше не общаться, на все его, даже трезвые, уговоры выпить кофе, посидеть в баре или сходить в кино отвечала грубым отказом, так что он вскоре скрылся из вида, а Лера опять целиком и полностью посвятила себя учебе и весь пятый курс активно готовилась к интернатуре.

Ее главной целью тогда было попасть на практику в патологоанатомическое отделение — без разницы, какого именно учреждения, главное — поближе к интересным трупам. Но лето после пятого курса стало для нее фатальным. Чрезмерное любопытство и желание оказаться по локоть в чьей-нибудь крови сыграли с ней злую шутку. Когда Лера, желая по-своему подготовиться к интернатуре, решила украсть учебный труп, отвезти его в один надежный подвал и там разделать, она руководствовалась

соображениями личной безопасности. Просто если бы кто-нибудь увидел, как она умеет потрошить тела и что делает с органами и частями потом, ее бы не просто выгнали из универа, а, скорее всего, заперли бы в дурке. В итоге Леру, вывозившую на каталке труп, заметил сторож, который тут же вызвал руководство вуза, а то, в свою очередь, устроило студентке допрос. Валерия не стала говорить правду, но и врать она тогда еще не особо умела, поэтому на все вопросы декана, зачем да на кой, она просто молчала. Историю с ночным похищением трупа огласке не предали, а ее без лишнего шума отчислили.

Вспоминая то лето, самое ужасное и в то же время судьбоносное, Лера в очередной раз поймала себя на мысли, что ничто в этой жизни не происходит просто так. Не отчислили бы ее тогда, она бы не впала в депрессию, не вернулась бы к родителям, которые обеспокоились состоянием их и без того замкнутой, а теперь еще более молчаливой, бледной и худой дочери.

Предки решили, что их чаду сможет помочь психотерапевт, которая четыре недели пыталась «поговорить с ней о проблемах». Лера упорно молчала во время всех ее визитов, и попытки разговорить девушку не увенчались успехом. На заключительном сеансе врач, видимо, устав от такой пациентки, решила не возвращаться к тому, что она ничего не ест, никуда не ходит и ни с кем не общается. Анна Павловна вдруг заговорила о сексе.

— Валерия, мне, конечно, мало что о вас известно, но осмелюсь предположить, что с сексом, как и со всем остальным, у вас тоже все плохо? — Заметив, что Леру заинтересовал такой поворот беседы, врач продолжила: — Позвольте дать вам совет: чего бы вы ни хотели от жизни — если ничто не помогает, можно попробовать добиться желаемого с помощью секса.

— Как это?

Впервые за месяц Лера решила прислушаться к словам Анны Павловны.

— Вы красивая девушка. Да, красивая, не спорьте! —

пресекла врач попытку Леры возразить ей. — Часто бывает, что умные и чем-то увлеченные девушки забывают о своей красоте или не видят ее, а следовательно, не пользуются ею. И напрасно. Вам всего-то нужно посетить пару салонов, нанять стилиста, немного подкорректировать данную вам природой привлекательность, и вы станете неотразимы. А перед красивыми людьми двери чаще открываются, чем закрываются.

Этому совету Лера решила последовать. Она попросила у родителей денег, сказав, что психотерапевт ей очень помогла, но, чтобы окончательно выйти из депрессии, ей нужно сменить обстановку. Родители Леры были людьми состоятельными — не баснословно богатыми, но дать дочери пару сотен тысяч рублей на «путешествие» для них не составило труда.

Лера далеко не собиралась, ей всего-то нужно было снять квартиру на другом конце Москвы, подальше от предков. И она начала свое преображение. Она начала посещать салоны красоты, наняла стилиста, и уже через две недели Валерия Самсонова из ботаноподобной скромной шатенки превратилась в красивую ухоженную блондинку с горящими зелеными глазами (контактные линзы и никаких очков), аккуратной, приподнятой пушапом грудью, выглядывающей из соблазнительного декольте модных блузок и обтягивающих платьев, а еще всегда при макияже и непременно на каблуках. Новый образ жизни поначалу жутко раздражал Леру, куча времени уходила на мейкап и прическу, да и к шпилькам пришлось долго привыкать. Но когда она начала ловить на себе восторженные взгляды мужчин, незнакомые люди в кафе и ресторанах стали угощать ее дорогими напитками и блюдами, а таксисты — подвозить бесплатно, девушка поняла: оно того стоило.

Постепенно Лера научилась пользоваться своей внешностью и через пару месяцев уже могла соблазнить кого угодно. За это время она позвонила родителям лишь однажды, чтобы сообщить, что пока остается жить в Праге, куда, как они думали, дочь поехала отдыхать. После это-

го звонка Лера больше никогда сама не звонила предкам и знала, что они тоже ее не потревожат, поскольку им больше нравилось любить чадо на расстоянии.

У Леры началась совсем другая жизнь. Она научилась добиваться внимания мужчин с помощью своей внешности, и теперь необходимо было найти «слепого глухонемого капитана дальнего плавания», который мог бы содержать ее, но при этом редко находился бы рядом. В деньгах Лера крайне нуждалась. Работать где-то, кроме как в судебно-медицинской экспертизе, она не хотела, но о занятости по специальности можно было забыть. И дело было не только в отсутствии диплома. Даже если бы он у нее был, девушка все равно не смогла бы обращаться с трупами так, как ее душе было угодно.

Но Лера знала, что в городских моргах есть куча невостребованных жмуриков, которых в конце концов отправляют в крематорий, и, имея определенную сумму наличных, эти тела можно с легкостью приобрести у нечистых на руку санитаров. Помещение для своих экспериментов она давно подыскала.

Дело оставалось за малым: стать содержанкой богатого и желательно женатого папика. Лере претила мысль о занятии сексом, тем более со старпером, но, помня совет психотерапевта и зная теперь, что с новой внешностью она вызывает желание у мужчин, умом она понимала, что интим действительно может помочь в осуществлении ее планов. Так что она принялась искать своего «идеального мужчину», который должен быть богат, чтобы без проблем давать столько денег, сколько ей нужно, женат, чтобы визиты к любовнице были редкими, и стар, просто потому что богатых, женатых и молодых не так уж много. Да и к тому же кавалер в годах будет относиться к молодой и красивой пассии с большим трепетом.

Долго искать такого мужчину не пришлось. В жизни Леры он не сыграл особой роли, поэтому вспоминала она его нечасто. Для нее это был просто способ добывания денег. Она пудрила мозги своему «принцу» при каждом его

визите, то есть примерно раз в две недели, притворялась конченной блондинкой и клянчила деньги на новые шмотки, мебель и поездки. Покровителя, к счастью, интересовал только секс, а на все ее просьбы он либо оставлял приличную пачку наличных, либо переводил энную сумму ей на карту, которую сам же и подарил. Этот старый богач был вторым мужчиной Леры. Секс с ним не был так ужасен, как самый первый раз, но и прекрасен не был тоже.

После папика была еще парочка санитаров, которые в обмен на бесхозные трупы не желали брать денег, а хотели только переспать с красивой блондинкой. И побоку, что она двинутая на всю голову — скупает мертвяков по бешеным ценам. Из-за таких случайных вынужденных связей секс по-прежнему не значился в списке вещей, от которых Валерия получала удовольствие.

И вот теперь Игорь. Он вызвал в Лере желание на первом же свидании. Когда за ужином рассказывал о себе, она смотрела на его губы и вдруг поймала себя на мысли, что хочет узнать, каково будет, если эти чувственные губы начнут целовать ее везде, где она пожелает. Такой пассаж ее удивил, но не напугал. Ее вообще мало что могло напугать. А дальше хуже — при каждой встрече этот адонис в форме вызывал у Валерии все больше чувств. Она часто фантазировала, как они целуются, обнимаются, ласкают друг друга и занимаются любовью, хотя раньше таких глупостей за собой не замечала. Через несколько месяцев Лера поняла, что Игорь может стать как раз тем мужчиной, с которым она впервые займется любовью, а не сексом.

Так что свидания у себя дома она ждала с особым нетерпением.

И разумеется, сегодня, найдя в своей кухне труп, Лера запаниковала. Хорошо, что Игнатъич был рядом, помог прийти в себя и спрятать тело. А уборка — это дело десятое.

Вообще, Спортсмен, как иногда называла Игнатъича Лера, не в пример богатому папику, был как раз тем мужчиной, который круто изменил ее жизнь. Три года назад до него дошли слухи о красивой блондинке, которая периоди-

чески покупает в московских моргах бесхозные трупы. За несколько лет Лера примелькалась тамошним санитарам. И, конечно, платя за мертвяков огромные деньги, девушка надеялась, что бонусом к ним идет и молчание работников морга. Но когда на пороге ее московской квартиры появился человек невысокого роста в спортивном костюме со словами «я знаю о твоём хобби, если захочешь, это может стать твоей постоянной работой», Лера поняла, что ее сдали, но не осмелилась закрыть дверь перед незванным гостем.

В тот день Игнатьич рассказал, что ищет человека, разбирающегося в судебной медицине, умеющего обращаться с телами и, главное, любящего свое дело. Деньги Лере он предложил баснословные, но нужно было переехать в другой город, а перед началом работы выполнить тестовое задание. Подумав пару дней, Лера согласилась на эти условия.

Все заботы о переезде и поиске квартиры Семен Игнатьевич взял на себя, так что Лере оставалось только пройти тест. Девушку привезли в то самое затерянное в глуши здание, которое позже стало ее постоянным местом работы, привели в комнату, похожую на прозекторскую, оборудованную по последнему слову медицины, указали на труп, лежащий на столе, и попросили описать время и причину смерти. Лера сразу поняла, что наконец-то попала в то место, где могут сбыться все ее желания.

Не обратив внимания на изуродованное лицо мертвого мужчины, она приступила к вскрытию. Спустя пару часов, выйдя по локоть в крови и с горящими от удовольствия глазами, она доложила Семену Игнатьевичу, что смерть наступила в результате множественных гематом, которые стали причиной разрыва селезенки и внутреннего кровотечения.

— Молодец, — похвалил ее Семен Игнатьевич.

— Спасибо, — улыбнулась Лера. — А где вы его нашли? Его что, машина сбила?

— Нет, это моих рук дело, — сказал ее начальник — человек невысокого роста, достаточно хилый, но в спор-

тивном костюме. Глядя на Семена Игнатъевича, Лера поняла, что тот ждал, что девушка испугается, но она лишь приподняла бровь.

— Хм, а по вам и не скажешь, — спокойно ответила блондинка, а затем добавила с издевкой: — Вы прям спортсмен!

— Ты нам подходишь. Но тест надо закончить. Твоя основная задача сейчас — и каждый раз — сделать так, чтобы этот труп было невозможно опознать, чтобы никто не понял, от чего, когда и как он умер. В твоём распоряжении — этот кабинет и все, что в нём находится. Если будет нужно ещё что-нибудь, скажи мне, я все сделаю.

Так началось их с Игнатъичем сотрудничество. Видя, какие трупы он ей привозит, Лера поняла, что Спортсмен — тот ещё изверг. Она не задавала лишних вопросов, но постепенно узнала обо всем, в том числе и об их боссе, который развлекался тем, что выискивал жертв, несколько недель держал их в страхе, запугивая всевозможными способами, а когда человек — в основном это были мужчины — уже готов был сам свести счеты с жизнью, босс давал возможность развлечься своей правой рукой — Семену Игнатъевичу. Также она узнала о том, что Спортсмен, будучи человеком физически не особо развитым, прибегал к помощи ещё нескольких отморозков, которые помогали ему дольше мучить жертву перед смертью. Саму смерть он для своих «клиентов» выбирал не просто страшную, а ужасающую. Но при этом Игнатъич за годы их совместной с Лерой работы стал для нее не только коллегой, но и настоящим другом. Наверное, потому что он был таким же психом, как и она. Правда, Лера всегда успокаивала себя тем, что она лучше Игнатъича, ведь она никого не убивала.

Воспоминания крутились в голове у Валерии, пока она, смыв кровь, стала начисто вытирать стол, стул и пол. Девушка решила разобраться с мертвым мужиком завтра, а сегодня — заняться живым и желанным Игорем, с которым они через пару часов поужинают за этим самым столом, выпьют шампанского, а потом перейдут в спальню.

Вычистив кухню, Лера занялась готовкой. Потом накрыла на стол и побежала переодеваться. До прихода кавалера оставалось всего полчаса. Это время она потратила, выбирая между красным вечерним платьем, соблазнительно обтягивающим все ее прелести, и пеньюаром, который будет весь вечер намекать Игорю, зачем он, собственно, сюда пришел. Лера решила не оставлять ему ни единого шанса подумать о чем-то другом и надела пеньюар.

Когда раздался звонок в дверь, она была уже полностью готова: макияж, волосы, уложенные красивыми локонами, неизменные каблуки. Идя открывать дверь Игорю, Лера бросила взгляд на «кладовую». Она была закрыта. Дверь ее рабочего кабинета была вполне обычной, так что девушка не сомневалась, что бойфренда эта комната не заинтересует.

Игорь стоял на пороге с небольшим букетом роз. Он улыбнулся и потянулся ее поцеловать. Приветственный поцелуй, как всегда, был очень нежным, но в этот раз — еще и настойчивым. Ее безумно обрадовала мысль, что сегодня все и вправду произойдет.

— Привет, красавица моя, — протянул ей букет Игорь, когда наконец оторвался от Лериных губ.

— Привет. Проходи на кухню, будем ужинать.

Лера одарила его той самой призывной улыбкой, от которой все ее визави мужского пола теряли дар речи. Увидев в глазах Игоря вспыхнувшее желание, которое ее саму уже съедало изнутри, она решила добавить огонька — развернулась и пошла на кухню, покачивая бедрами настолько сексуально, насколько только могла.

На кухне Лера достала вазу и стала набирать в нее воду. И вдруг она заметила возле холодильника ведро, перчатки и чистящие средства и поняла, что в спешке забыла отнести их в «кладовую». Бояться особо было нечего — вода в ведре была уже не красная, а перчатки чистыми. А вот огромная бутылка с пульверизатором могла вызвать вопросы. Естественно, там не красовалась надпись «перекись водорода» (на ней вообще не было никаких опо-

знавательных знаков), но от греха подальше лучше было ее спрятать.

Быстро закрыв кран и поставив цветы в наполовину наполненную водой вазу, Лера взяла ведро с перчатками и перекисью и направилась в коридор. Увидев Игоря, она безмятежно улыбнулась.

— Все уже готово, проходи, располагайся. Я только уберу ведро после уборки и сразу вернусь к тебе.

Проследив, что кавалер точно направился на кухню, Лера поспешила в «кладовую». Зайдя в рабочий кабинет, она вылила воду в раковину, поставила ведро в шкаф, положила туда же перчатки и перекись. Бросив быстрый взгляд на непрощенный труп, Лера улыбнулась: после секса с Игорем, который наверняка утром уйдет на службу, она сможет заняться любимым делом. Когда исчезнет страх перед испорченным свиданием, выяснять, от чего именно умер этот неизвестный, будет еще интереснее и приятнее.

Выключив свет в «кладовой» и закрыв дверь, Лера пошла на кухню. И вдруг услышала тихий голос Игоря:

— Да, да! Я же тебе говорил, я чувствую, что это она! Ты думаешь, я зря ее окучивал столько месяцев? — шептал кому-то Лерин бойфренд.

Лера замерла, улыбка сползла с лица. Такой разговор был ей не по душе. Она решила дослушать до конца и выяснить, о чем говорит Игорь.

— Слушай, я ее сегодня трахну, а когда она заснет, осмотрю в квартире, наверняка найду какие-нибудь доказательства того, что она и есть наш Потрошитель. Ну или хотя бы выясню, кто еще с ней в деле, я уверен, что она работает не одна. Такие зверства просто невозможно творить в одиночку.

Лера все поняла и теперь стояла в раздумьях. Она затаила дыхание и стала быстро соображать, как бы избавиться от Игоря, который в один миг превратился из желанного красивого полицейского в поганого мусора, угрожающего любимой работе. Но сначала нужно было выяснить, что собирался делать бойфренд, теперь уже экс.

— Нет, — продолжал говорить по телефону Игорь. — Подмогу не присылай. Я доиграю роль заботливого любовника и заставлю эту дуру еще больше влюбиться в меня. Когда она уснет, спокойно обшарю здесь все, утром, как хороший мальчик, сделаю завтрак и кофе в постель, чтобы она ни о чем не догадалась, а потом уйду... Нет, вот найду доказательства, тогда и арестуем ее... Все, пока! Я сам потом позвоню.

Услышав, что разговор закончился, Лера подождала секунд двадцать в коридоре, а затем вошла на кухню. Она уже придумала, что делать, оставалось только воплотить план. Увидев, что Игорь сидит за столом, она быстро подошла к нему, устроилась у него на коленях и страстно поцеловала.

— Я не особенно голодна. — Голос у нее был низким и призывным. — Может, сразу перейдем к главному?

Девушка положила руки Игоря себе на грудь. Он сжал ее и принялся целовать Леру в шею. Она не смогла сдерживать стон.

— Милый, давай пойдем в другую комнату, у меня для тебя сюрприз, — сказала Лера и, взяв Игоря за руку, увлекла его за собой.

В коридоре они остановились. Лера сняла с вешалки шелковый шарф.

— Эта ночь должна быть незабываемой. Давай закроем тебе глазки. — Увидев, что Игорь нахмурился, она поспешила успокоить его: — Это чтобы не испортить сюрприз! Не волнуйся, тебе понравится.

Кавалер улыбнулся и кивнул, и Лера завязала ему глаза. Снова взяв любовника за руки, девушка аккуратно повела его в сторону «кладовой». Они зашли в рабочий кабинет и остановились в центре. Даже в полной темноте она здесь отлично ориентировалась.

— А здесь прохладно! Ты открыла окна?

— Да, милый. Но сейчас тебе будет очень жарко, — отвлекала его внимание девушка.

Сняв шарф с глаз экс-бойфренда, Лера, целуя его шею, принялась связывать ему руки.

— Ого, так крепко! — удивился и напрягся Игорь.

— Милый, ты что, не хочешь меня? — изобразила Лера обиженную влюбленную.

— Конечно, хочу! Очень хочу...

— Тогда давай немного поиграем. Ты получишь огромное удовольствие, — прошептала она мужчине на ухо.

— Давай. Только я ничего не вижу. Солнышко, включи свет.

— Сейчас, — призывно протянула Лера, отстранившись от любовника.

— А-а-а! — вскрикнул Игорь, почувствовав острую боль сначала под правым, а через секунду под левым коленом.

Неожиданно для самого себя он упал. В комнате зажегся свет, и он увидел Леру, стоящую в нескольких метрах от него: подол пеньюара испачкан кровью, в правой руке — окровавленный скальпель. До Игоря дошло, что это его кровь: она перерезала ему сухожилия.

— Ты искал доказательства — вот они, — спокойно проговорила Лера и отошла в сторону, чтобы Игорь смог увидеть труп, лежащий на столе.

— Ах ты, сука! — выкрикнул тот, пытаясь встать, но ноги не послушались. — Тебя все равно достанут! Не я, так другие! — гневно выпалил Игорь.

Он попробовал высвободить руки. Не получилось.

— Как ты узнал обо мне? — все так же бесстрастно, не повышая голоса, спросила Лера.

— Да пошла ты! Я тебе ничего не скажу! Я лучше сдохну!

— Как пожелаете, сержант Панов, — прошипела Лера.

За пару шагов она оказалась у мента за спиной и одним быстрым движением скальпеля перерезала ему горло. Как профессионал, она знала, что лучше наклонить голову вперед, чтобы кровь бежала быстрее. И действительно, очень скоро все было кончено — Игорь перестал хрипеть и замолк. Навсегда.

Секунд тридцать Лера стояла в раздумьях, затем наклонилась проверить пульс мужчины, а заодно и его карма-

ны. После того как Игнатъич избавится от тела, никаких следов пребывания этого мента в ее доме не должно быть. Обшарив брюки Игоря, девушка вытащила телефон, удостоверение и маленький стеклянный флакон с какой-то жидкостью.

— «Афрозидиак», — прочитала вслух она. — Вот же сука!

Теперь настала ее очередь ругаться. В сердцах она изо всех сил пнула мертвого полицейского в бок.

— Ну, теперь все понятно!

Все и в самом деле встало на свои места. Валерия была слишком практичной девушкой, полагающейся на разум, а не на чувства. На первое свидание с Игорем она пошла, потому что тот был слишком напорист, но после того вечера подумала, что он ей действительно нравится, а может, даже и больше. Теперь ясно, откуда взялась эта ахинея. Это вовсе не чувства, а химический процесс, вызванный препаратом. У Леры аж от сердца отлегло. Она не изменилась, не размякла, как считала еще пару недель назад, а просто находилась под кайфом. По всей видимости, мент подливал ей афродизиак при каждой встрече, чтобы она испытывала к нему желание и хотела секса с ним настолько, чтобы позвать к себе домой.

Лера бросила злобный взгляд на тело Игоря. «Сучонок мерзкий», — только и пронеслось у нее в голове. Девушка оглядела себя и стала переодеваться. Сняв окровавленный пеньюар, она вынула из шкафа рабочую форму и уже через пару минут снова стала похожа на врача в операционной. Затем Лера принялась осматривать фронт работ.

— Н-да-а, вот оно, значит, как... — по привычке заговорила Лера сама с собой. Во время работы она всегда так делала. — И вовсе не сложно, если не заморачиваться, как Игнатъич. По горлу чик, и все. Совсем, совсем несложно, — приговаривала Лера, а сама тем временем лихорадочно мыла руки.

Тут до нее дошло, что ее руки уже в перчатках. Поняв, что она делает что-то не так, Лера глубоко вздохнула, выключила кран, сняла перчатки и села на стул.

— Не-слож-но, — медленно проговорила она.

Лера впервые убила человека сама. Это было легко физически, но морально ей предстояло это еще осознать. Глядя на то, как растекается по полу «кладовой» кровь Игоря, Лера постепенно приходила в себя. Набросав тряпок вокруг тела, блондинка решила, что займется им позже.

— Пока что надо разобраться с тобой, таинственный незнакомец, — вновь принялась думать вслух девушка.

Она уже посвятила несколько минут сожалениям о том, что осталась без долгожданного секса. Опыт с получением физического удовольствия провалился. Тем не менее, прикинув, что в ближайшие пару дней ей будет чем заняться, она решила сильно не огорчаться.

— А ты красивый! — сказала она незваному трупу. — Даже лучше, чем этот мент. Откуда же ты взялся?

Надев новые перчатки, она подошла к рабочему столу, на котором лежал мертвец, взяла в руки чистый скальпель и сделала на трупе Y-образный разрез.

— Ладно, мальчики, — выдохнула блондинка. — Командовать парадом буду я.

Лера включила любимую музыку — альбом группы Snap. Первой заиграла «I've got the power». За закрытыми дверьми своего кабинета она погрузилась в потрясающий, загадочный, удивительный мир смерти.

ГЛАВА XI

ЛЯЛЯ

You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.

«Господи, откуда звук?» — подумала Оля, услышав музыку.

You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.

«Мама дорогая, и так хреново!.. Ну, выключите уже кто-нибудь звук!.. Господи, пусть окажется, что я еще сплю, пусть это будет сон... Блин, это точно не сон! Во сне так не тошнит!»

Девушка лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Когда откуда-то в очередной раз донесся трек группы Flo Rida «Right Round», она, не отрывая большой головы от подушки, начала шарить руками по постели в надежде найти источник звука.

You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.

«Вот уж действительно — кружится голова... Да заткнись ты уже!» — мысленно проклинала Оля неугомонный гаджет.

— Марина!

Девушка хотела крикнуть, но, к своему удивлению, слышала только хриплый шепот — свой шепот, как дошло до нее через несколько секунд.

— Марина...

«А-а-а, как же хочется пить! Девки, сучки, ну выключите кто-нибудь яблофон!» Оля помнила, что из всей компании айфон был только у одной из них, и именно на нем стоял этот треклятый рингтон.

— Маринка, ну возьми ж ты трубку, наконец! Пронись и возьми трубку, ну пожалуйста! — шептала она больше для себя.

You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.

С большим трудом ей удалось оторвать голову от подушки, затем она медленно оперлась на руки и так же медленно подтянула колени. Встав на четвереньки, Оля какое-то время качалась взад-вперед. Потом, не открывая глаз, она доползла до края кровати, сделала небольшое усилие и села на пятую точку. Через пару минут у нее получилось открыть глаза, и первое, что она увидела, — собственные ноги, по колено измазанные чем-то зеленым.

— Балин... — медленно выдохнула Оля.

Она уткнулась лицом в ладони и начала медленно растирать пальцами лоб, а потом и виски. Посидев так еще минуту, девушка попыталась встать одним быстрым движением, но резкая боль в голове тут же лишила ее сил. Она рухнула как подкошенная, причем не на кровать, а на пол.

— Ай!.. Ну вот, теперь еще и жопа будет болеть, — обреченно сделала вывод Ольга.

You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down.

— А я-то подумала, что ты уже сдох! — вновь обратилась она к невидимому, но очень хорошо слышимому телефону. — Я тебя все равно найду.

Полная решимости отыскать гаджет, который так безжалостно и не вовремя разбудил ее этим утром, она все же нашла в себе силы встать. Оглядела комнату и, поняв, что ночевала тут одна, а также что телефона здесь точно нет, Оля пошла искать айфон и своих собутыльниц, которые почему-то не проснулись от этого мерзкого рингтона.

Оля вышла в длинный просторный коридор. Несколько дверей по обе стороны вели в разные комнаты. Часть

из них была закрыта, и девушка подумала, что ее подружки, скорее всего, еще спят. «Сколько же времени?.. Девки, девки, хорошо вам — не разбудил вас этот сучонок!» — думала Оля, пока медленно, держась одной рукой за стенку, шла на кухню. Там после вчерашнего наверняка осталось шампанское или мартини. Ну или хотя бы газировка. Ай, да можно и воды из-под крана попить! Оля готова была слохнуть от сушняка.

По пути Оля заглянула в приоткрытую дверь одной из комнат. Вера и Вика там... Понятно. Эти, видать, самые крепкие, угомонились, похоже, только под утро. Оля посмотрела на спящих подруг и хмыкнула, вспоминая, как весело им было накануне.

Сама она тоже порядком набралась: начала с шампанского, закончила вискарем и абсентом, причем «посинела» за какие-то несколько часов. Оля помнила, что к приходу стриптизера соображала совсем слабо, а когда сказала Вальке, что ее тошнит, девчонки отвели ее в самую дальнюю комнату и уложили спать. Выходит, из всех пятерых она вырубилась раньше всех. А эти две наверняка гудели до утра, как всегда.

Вика раскинулась, как звезда, на красивом пушистом ковре, ее черные волосы спутались и были испачканы непонятно чем. Длинные ноги не были вымазаны, но на одном колене красовался приличный синяк. Вера же смогла доползти до кровати, в отличие от подруги, и сейчас спала, свернувшись калачиком. Еще раз оглядев спящих девчонок, Оля прикрыла дверь и пошла дальше в сторону кухни.

Добравшись до холодильника и найдя там бутылку колы, она стала водить глазами в поисках спиртного, но задача предстояла не из простых — мало того, что кухня была огромной, так еще после вчерашнего здесь царил настоящий бедлам. Блестки, перья, какие-то шапки и рожки, трубочки-гуделки, одежда, коробки из-под пиццы и, естественно, куча бутылок. Перебрав несколько стеклянных тар и не найдя в них ни капли алкоголя, Ольга вздох-

нула. Налив в стакан колы, она залпом выпила ее и поморщилась: гадость — она и есть гадость.

Мартини... Нужно срочно найти мартини. «Похмеляться, так со вкусом», — подумала девушка. Еще раз осмотрев все ящики на кухне, но не обнаружив заветного напитка, Оля решила поискать его в других местах.

Прихватив с собой стакан и бутылку холодной колы, Оля вышла в коридор. Когда она увидела дверь в ванную, тут же вспомнила, почему рингтон, доносившийся издалека, все же разбудил ее этим поздним похмельным утром. Природа начала звать ее задолго до телефона — очень хотелось писать, но жажда на какое-то время заглушила желание справить нужду. А теперь до Ольги дошло, что она уже не первый час хочет в туалет.

В ванной она бегом кинулась к унитазу. Поставив колу и стакан на пол, она опустилась на унитаз. Лишь облегчившись, Оля осмотрелась. Все так же, как и накануне: куча женских шмоток, косметики, несколько пар лодочек. Было понятно, что вчера здесь переодевались и прихорашивались не единожды.

Сидя на унитазе и оглядывая ванную, в которой сама вчера была не раз, Оля все же не переставала удивляться тому, до чего огромным было помещение. Такие ванны могут позволить себе только состоятельные люди. В ней, пожалуй, могла бы поместиться вся Ольгина однушка. И мебель здесь лучше и красивее. На почти 60 квадратных метрах разместились ванна, два унитаза, биде, душевая кабина, два диванчика полукруглой формы, большая раковина с двумя кранами и вместительный шкаф с множеством ящиков. Да чего там говорить, в этой ванной спокойно могли бы жить три человека — двое спали бы на диванах, а третий с комфортом устроился бы в ванне. Впечатляющих размеров ванне, к слову.

Оля остановила задумчивый взгляд на этой ванне, и тут до нее дошло, что там действительно уже кто-то устроился — шторка была задернута, но не до конца, а так, что из-за нее выглядывал бортик, на котором лицом к стене

покоилась голова. По цвету волос она сразу поняла, что это Валя.

— Рыжая, ты спишь? — не вставая, прошептала Оля.

Она подумала, что можно попробовать разбудить подругу — вдвоем похмеляться веселее, а Валька могла бы рассказать, что еще интересного было вчера.

— Рыжая?

Ответа снова не последовало.

Оля встала со своего трона раздумий, прихватила напиток и стакан и тихонько прошла в другой конец комнаты. Аккуратно одним пальцем она отодвинула шторы.

Картина была странной и пугающей: заполненная наполовину ванна с кроваво-красной водой. У Оли перехватило дыхание. Она медленно перевела взгляд на Валькину голову. Лицо подруги по-прежнему закрывали волосы, но на затылке Оля отчетливо разглядела бордовое пятно.

Выронив из рук колу и стакан, который упал на коврик и поэтому не разбился, Оля закрыла руками рот, сдерживая рвущийся крик.

— Мамочки... мамочки... — только и могла тихо выговорить она, пока пятилась к выходу.

Оля хотела выбежать в коридор, закричать, позвать на помощь подруг, но к горлу подкатила тошнота, и девушка молнией ринулась обратно к унитазу. Все веселье, переполнявшее ее последние сутки, высвободилось наконец из Ольгиного желудка и теперь покоилось на дне унитаза. Оля терпеть не могла, когда ее рвало. Этого состояния она старалась избегать, как только могла, но зачастую все пьянки с подругами именно так и заканчивались. Перестав содрогаться от рвотных позывов, она нажала на кнопку слива, еле-еле встала с колен и подошла к раковине.

Сполоснув рот и наскоро умывшись, она подняла голову и впервые за это утро увидела свое отражение. Длинные черные волосы были спутаны и измазаны чем-то белым и липким, под глазами черные круги от туши, шея тоже испачкана белым нечто, а фиолетовая майка с чер-

ной надписью «Подружки невесты» была порвана как минимум в трех местах. Оставив на потом раздумья на тему «как можно было ужраться за пару часов так, чтобы ненавидеть себя на завтра», Ольга бросила испуганный взгляд в сторону ванны и бросилась прочь в коридор.

— Девочки! Девочки!

Оля вопила во все горло, пока бежала по коридору в спальню, где спокойно спали ее подруги.

— Девочки! — выдохнула она, вбежав в комнату. — Девки, вставайте! Беда! — что было мочи снова крикнула Оля.

— Че те надо, Ляля? Сама не спишь и другим не даешь! — подала голос Вика.

Не открывая глаз, она сменила свою позу звездочки и легла на бок, подогнув ноги.

— Рано еще, иди спи, — зевнув, попыталась угомонить подругу Вика.

— Вик, Вальку убили, — вымолвила Оля и, скользя спиной по стене, медленно опустилась на колени.

— Как убили? Ты чего, Ляль? Ты если еще не протрезвела, то не гони! «Убили»!

Вика уже проснулась и теперь сидела, укоризненно глядя на Олю.

— Че случилось-то? — все еще зевая, спросила она подругу.

— Рыжая... Валька в ванне лежит, вся в крови... Голова проломлена-а-а! — Оля больше не могла сдерживать слезы и заревела в голос.

— Что за рев? — донесся с кровати хриплый голос Веры. Увидев, что Оля сидит у входа и рыдает, она не на шутку испугалась: — Ляля! Ляль, что стряслось? — Вера подошла быстрой, но шатающейся походкой к Оле, присела рядом и начала гладить ее по голове. — Ляля, миленькая, успокойся, ты чего?

Но Оля уже вошла в раж, рыдания лились из нее потоком, не давая ни секунды передыха. Так продолжалось пару минут.

— Вика, ты поняла, что произошло? — недоумевала Вера.

В ее голосе явно слышалось недовольство ситуацией — после такой ночи можно было и подольше поспать.

— Вальке голову проломили, она в ванне лежит мертвая.

Произнося это, Вика прекрасно понимала, что Оля ее не услышит — та была полностью поглощена своей истерикой. А вот Вера сразу поняла, что к чему.

— Лялечка, расскажи, что именно ты видела? — ласково спросила она Олю. — Может, тебе показалось?

— Какое, на фиг!.. Я в туалет, пописала... Потом смотрю — Валька в ванне, вся в крови, вода в крови, голова в крови! Я ее зову, а она даже не шевелится! — всхлипывая через раз, рассказала Оля.

— Надо что-то делать, кого-то вызвать. Я пойду посмотрю, — сказала серьезным тоном Вика, которая на самом деле даже не собиралась подниматься и покидать комнату с рыдающей Лялей.

— Нет, Вик, не ходи! Это ужасно! — остановила подружку Оля.

— Что ужасно? — донесся из дверного проема еще один голос.

— Мертвая Валька... Она там... вся в крови... — снова начиная всхлипывать, произнесла Ольга.

— Какая Валька и почему она мертвая? — не унимался голос.

— Наша Валька, рыжая! — психанула Оля.

И тут, подняв глаза, увидела Валю — в мокрой майке и плавках, всю в крови (или в чем-то еще красном), явно замученную похмельем, пытающуюся вытереть насухо длинные рыжие кудри.

— ...Мер-тва-я... — по слогам закончила фразу Оля.

Не успела она потерять сознание при виде живой «мертвой» Вальки, как комната наполнилась хохотом. Смеялись все, в том числе и Валя.

— Ляля!.. Аха!.. Ха-ха-ха!.. — Вика пыталась что-то

сказать, но смех душил ее. — Лялька, я тя обожаю! Как же тебя легко развести!

Оля смотрела на них во все глаза. Она уже сообразила, что опять стала жертвой очередной дурацкой шутки своих подружек. Поняв это, она безумно разозлилась и мысленно решала, как и кого из них прикончить первой.

— Вы... Вы! Долбанушки чокнутые! Да как вы... На хера?! Валя! Ты-то как согласилась? — Оля обратила негодующий взор на подругу.

— На меня не смотри, я вообще спала, — улыбаясь, пыталась оправдаться Валя. — Но, согласишься, смешно же получилось!

— Да ни хрена не смешно, дуры! Я чуть дуба со страху не дала! Меня же вырвало! — плаксивым тоном кричала Оля.

Она хотела было снова разреветься от обиды, но решила не веселить больше своими слезами этих дурочек и показала подругам фак и язык.

— Очень по-лялевски, — улыбнулась в ответ Вера.

— Как вам только в голову такое пришло?

— А не фиг было так быстро напиваться и вырубаться на такой крутой вечеринке! Мы, понимаешь ли, не одну неделю готовились, а она насинячилась — и баиньки! — пропесочила подругу Вика. — Мы решили тебя проучить. Валька, кстати, ничего не знала. Она тоже хороша — уснула в ванне во втором часу ночи, когда веселье было в самом разгаре, а стриптизер без нее не хотел продолжать нас развлекать. Сказал, что влюбился в нее.

— Правда? Так и сказал? — подала голос Валя, которая уже удобно уселась в кресле и продолжила вытирать белоснежным полотенцем мокрые грязные красные волосы.

— «Тяк и съкязля?» — передразнила подругу Вика. В ее голосе явно слышалось раздражение. — Ау, рыжая, я тебя умоляю — он же стриптизер! Он все, что угодно, скажет, лишь бы денег побольше срубить! Наплел с три короба, а ты уже готова ему верить, — в конце фразы Вика закатила глаза и фыркнула, выражая недовольство наивностью подруги.

— Я просто спросила, нечего на меня фыркать, — огрызнулась Валя.

— Девочки, сейчас не об этом. — Вера посмотрела сначала на Валю, затем на Ольгу и продолжила: — Короче, суть в том, что вы, две пропульсивки, оказались самыми слабыми, а мы решили вас проучить.

Верка подрабатывала переводчиком. Английский с пятого класса давался ей легко, был любимым предметом. Однажды в тексте, над которым она трудилась, автор допустил ошибку и вместо «propulsion complex» написал «propulsivky complex». Вера долго не могла найти перевод, а потом придумала свой. С тех пор слово «пропульсивки» стало для нее ругательством, которым она иногда одаривала провинившихся подруг.

— Когда мы уже порядком набрались и когда основная программа вечера подошла к концу — в общем, где-то под утро, — то ли я, то ли Вера предложила разыграть вас обеих. Вальку мы просто решили оставить в мокрой ванне, она же стала нашей «жертвой». Ну а зная твою склонность все драматизировать... — Тут Вера повернулась и посмотрела на Олю. — Мы были уверены, что ты попадешься на эту удочку. Так и вышло. Ты, Ляля, очень предсказуема. Если уснула раньше всех, то и проснешься раньше. А если увидела труп, то ни за что к нему не притронешься, чтобы проверить, труп ли это на самом деле. Короче, розыгрыш удался, — подытожила старшая из подруг.

— Еще как удался! Видела бы ты свое лицо! — снова засмеялась Вика, вспомнив, с каким выражением Оля смотрела на «мертвую» Валю. — Эх, жаль, никто не сфоткал.

— Этого еще не хватало, — нахмурилась Ольга. — Хотя сегодня вы прям сами себя превзошли, так страшно мне еще не было от ваших дебильных розыгрышей.

В Олином голосе явно слышались обида и злорада.

— Ты их теперь никогда-никогда не простишь? — поинтересовалась Валя с неподдельной тревогой.

Олины обиды иногда выходили боком всей компании, поэтому подруга действительно забеспокоилась.

— Да ну вас! Пора мне уже привыкнуть к тому, что вы все ненормальные, мне ведь никуда от вас не деться, правда?

Оля так посмотрела на подруг, что все они разом замолчали и уставились на нее с виноватым видом. В комнате повисла тишина, не осталось ни намека на веселье, царившее здесь еще несколько минут назад.

Оля обвела подруг грустным взглядом и вышла. Теперь ей просто жизненно необходимо было найти мартини. Поиски решено было возобновить на кухне. По дороге туда девушка зашла в ванную и забрала стакан и колу. Еще раз оглядевшись, Оля заметила, что из-под белого диванчика посреди комнаты торчит горлышко какой-то бутылки. Послав мысленные молитвы во Вселенную, она наклонилась и достала бутылку.

— Да! Спасибо-спасибо! — отблагодарила Оля всех, кого только можно, — в бутылке было больше половины ее любимого напитка.

Собрав вместе все составляющие похмельного коктейля, Ольга направилась в комнату, в которой проснулась — там был уютный балкон с потрясающим видом на город. Проходя по коридору, она услышала голоса подруг, которые живо что-то обсуждали. Оля остановилась в нескольких шагах от приоткрытой двери большой спальни и решила немного послушать.

— Как думаете, она опять вспомнила? — с тревогой спросила подруг Валя.

— Не знаю, — ответила Вера. — Но снова этот ее взгляд... Как будто она предпочла бы лучше умереть, чем с нами общаться.

— Ладно, не нагнетай, — бросила по обыкновению резкая Вика. — Все нормально с ней, погрустит и успокоится, как обычно. Все перенесли это, и ничего, пока живем. Лишь бы она опять болтать не начала.

— Может, ее снова направить к психологу? — предложила Валя. — Раньше помогало.

— Давайте о психологе подумаем потом. Лично я считаю, что это лишняя трата времени и денег. Прошлого не

вернуть, что сделано, то сделано. Пора бы ей уже успокоиться.

Вера, которая раньше по поводу их совместного прошлого переживала не меньше Оли, с годами стала все забывать быстрее остальных. Либо умело делала вид, что всем не хочет ни о чем помнить.

— Кстати, а где Марина? — перевела она разговор в другое русло.

— Не знаю. Наверное, в своей спальне. Чего ей с нами-то спать, мы ей не чета. А может, она вообще со стриптизером кувыркается, — со злостью бросила Вика, которая на дух не переносила хозяйку квартиры.

— Ой, да успокойся уже. Сама знаешь, Марина не такая. Да и вообще, получше некоторых. Уж она-то точно не пустится во все тяжкие, даже на собственном девичнике, — поставила Вера свою спесивую подругу на место.

— Вот откуда ты знаешь, какая она, твоя Марина? Без году неделя она в нашей компании, а ты ей дифирамбы поешь.

Слушать очередной спор подруг о Марине Оля не хотела и пошла в спальню для гостей или, как ее еще называли, дальнюю комнату. Войдя, она отыскала взглядом настенные часы. Стрелки показывали начало третьего. «Офигеть! Вот это поспали!.. Точнее, вот это погуляли», — поразилась про себя девушка. Тому, что она проспала так долго, Оля не удивилась — ее организм всегда требовал многочасового сна, если его травили алкоголем.

Открыв дверь на балкон, она не без удовольствия ощутила прохладу — кто-то предусмотрительно оставил два окна на проветривании. На обычно теплом балконе сейчас было столько же градусов, сколько и на улице — не больше +16. В их городе майские вечера очень приятны: не слишком жарко, не слишком холодно, а иногда дует легкий ветерок, прямо как сегодня.

Балкон, как и вся квартира, был большой, с евро-ремонтom, а его главным украшением являлась барная стойка практически во всю длину с четырьмя барными

стульями, все из какого-то красивого и наверняка жутко дорогого дерева. Стойка выполняла роль подоконника, устроившись за ней, можно было смотреть в окно. Оля села на стул и поморщилась: падение на попу не прошло бесследно, одна ягодка все еще побаливала, но сидеть можно было. Девушка налила в стакан немного мартини и уже совсем не холодную колу. Выпив получившуюся смесь, она снова поморщилась: слишком теплая.

— Безо льда никак, иначе фигня, — подумала Оля вслух.

Оглядевшись, она увидела в одном конце балкона специальный холодильник для вина, битком набитый бутылками, а рядом с ним еще один, поменьше. В этом мини-холодильнике был всего один ящик, почти доверху наполненный льдом. Набрав полный стакан прозрачных кубиков, Оля вернулась на стул и теперь уже с уверенностью смешала себе коктейль, в простонародье именуемый «мартини-кола».

Глотнув прохладного напитка, Ольга с облегчением вздохнула. Впервые за этот день она почувствовала себя нормально. Открыв настежь окно, девушка вдохнула прохладный воздух и решила спокойно посидеть здесь и подумать, а подруги пусть сами разбираются со своим похмельем и всем остальным.

Перегнувшись через раму, Оля посмотрела вниз, пытаясь разглядеть с высоты одиннадцатого этажа, какие цветы растут на клумбе перед домом. Там однозначно были тюльпаны, причем самых разных цветов и калибров. «Интересно, кто их сажает и ухаживает за ними», — подумала девушка. Конечно, она знала, что это элитный дом с консьержем, садовником и наверняка каким-нибудь еще персоналом, просто ей вдруг захотелось увидеть человека, который вырастил такую красоту. Цветы Оля обожала, любила смотреть на них, любила запах некоторых из них.

Она просидела с четверть часа, попивая коктейль и любуясь тюльпанами, и вдруг заметила парня лет пятнадцати, который лежал посреди клумбы мертвенно-бледный

и с торчащей из груди арматурой. Оля знала, что делать: она крепко зажмурила глаза и посчитала до десяти, затем что есть силы сжала в обеих руках холодный стакан, с шумом выдохнула и посмотрела вниз. Мертвый подросток никуда не делся. Девушка прищурилась и стала вглядываться в лицо несуществующего — она это точно знала — парня. Еще крепче сжав стакан, она нервно сглотнула, и тут покойник открыл глаза и посмотрел прямо на Ольгу. «Это не по-настоящему, не по-настоящему, его нет, просто нет, его не существует, это только видение», — закрыв глаза, повторяла она снова и снова то про себя, то вслух, зная, что скоро все пройдет.

Так и вышло. Пять минут спустя девушка бросила боязливый взгляд вниз. Остались только красивые тюльпаны, и никаких страшных трупов. Но Оля все же закрыла окно, боясь, что видение вновь появится.

Она залпом осушила стакан, отставила его в сторону и закрыла лицо руками. Страха, когда видение, преследовавшее ее последние пятнадцать лет, исчезло, не было. Остались только усталость и жалость к себе. «Господи, ну почему опять? Почему сейчас? Почему вообще именно я должна за все это расплачиваться? — мысленно убивалась Ольга. — Ммм, опять к психологу придется идти! И так денег нет, а тут еще это. Мрак!»

Мертвый подросток с торчащей из груди арматурой. Молодой красивый парень. Мальчик, допустивший одну небольшую ошибку и поплатившийся за нее жизнью. И они. ОНИ! Три Олины подруги. И, конечно же, она сама. Она тоже виновата. Может, даже больше других, ведь видения преследуют только ее. Но в такие моменты она ненавидела только ИХ.

Это случилось пятнадцать лет назад, когда Ольга и ее подруги были совсем детьми. Только Вера была у них самая старшая, в то лето ей уже исполнилось шестнадцать. Оле же было всего одиннадцать. На тот момент они были уже неразлейвода. Мало того, что все из одной школы, так еще и дома расположены по соседству. Оля и Валька жили

в одной многоэтажке, Вера и Вика — в другой. Родители Веры и Вики знали друг друга всю жизнь, а потом подружились и их дети. Вальку в их группу привел ныне покойный брат Веры, он и Рыжая вместе пели в школьном хоре. Когда дружная компашка заметила Олю, ей было всего восемь. Ее родители только переехали в этот район, и во дворе она еще никого не знала. Первой с ней познакомилась Валя, а потом и остальные признали ее. Через три года Оля уже не представляла своей жизни без подруг: в школу и из школы они ходили вместе, играли вместе, все праздники отмечали вместе. Мама и папа иногда шутили, что у них теперь не одна, а целых четыре дочери. Но родители каждой из девочек были только рады крепкой дружбе своих детей.

Они были веселыми и беззаботными, все из благополучных семей, хорошо учились, занимались в кружках. У них были общие интересы, разговоры, посиделки — практически подростковая идиллия. Самым криминальным в их компании считалось попробовать шампанское или нечаянно увидеть сексуальную сцену по телевизору. Ни одна из них не была, конечно, пай-девочкой, но и пацанками они тоже не слыли. Редкие ссоры, вспышки гнева у Вики, которая иногда считала просто необходимым накричать на подруг, но потом обязательно жалела об этом и долго извинялась (частая смена настроения у нее объяснялась тем, что в свои четырнадцать она только-только вступила в период полового созревания), — все эти мелочи решались быстро и на месте, никогда не внося надолго разлад в их компанию. Казалось, что впереди у них годы веселой и интересной «совместной жизни». Они дали клятву, что в будущем, как бы далеко их ни разбросало, они обязательно будут встречаться дважды в год. Но серьезно об этом подружки не задумывались, ведь у них было еще минимум шесть лет, пока самая старшая из них не окончит университет, а получать «вышку» они твердо решили в родном городе.

Многие завидовали отношениям этих девочек и говорили, что им повезло: они выйдут замуж, нарожают детей, которые будут играть и дружить друг с другом, и будет им всем вместе весело и интересно. Такое будущее им пророчили родители, родственники и все, кто их знал.

Однако несчастный случай изменил их судьбы.

В то лето у Веры, которая уже была не просто девочкой, а девушкой, появился парень. Точнее, ухажер, потому как Вера никак не соглашалась пойти с ним в кино или кафе, а он все никак не прекращал оказывать знаки внимания — звонил, писал записки на переменах, приходил к ней домой и приносил небольшие подарки. Вера же, хоть ей и льстили такие ухаживания, не могла выкроить ни одного свободного вечера — то уроки, то кружки, то надо помочь брату, а оставшееся время хотелось провести с подругами. Но однажды, переделав все дела, Вера поняла, что впереди целая суббота, не надо учить уроки, брат уехал на очередной конкурс, а у подруг на этот день запланированы свои дела. Она позвонила Виталику и договорилась встретиться с ним на «катакомбах». Он не стал возражать против такого места для первого свидания, а Вера забыла ему объяснить, что ей надо успеть побывать там до следующих выходных.

«Катакомбами» называлось недостроенное семиэтажное здание в противоположном конце города. Это было место, про которое ребятня во дворе рассказывала друг другу кучу страшилок, куда взрослые запрещали ходить своим детям и где отчаянные подростки назначали свидания. Подруги, как и сама Вера, ни разу там не были, но недавно поставили себе цель: обязательно съездить туда до начала лета, когда они разъедутся по лагерям и бабушкам. Оставалось всего ничего до конца мая, так что на следующие выходные был намечен тур на «катакомбы». Но Вера решила, что в эту субботу сходит туда с Виталиком — побудет с ним наедине, а заодно разведает обстановку, чтобы девчонки не боялись. Как-никак, она самая старшая, и ей всегда казалось, что ее обязанность — все знать и помогать советом, а при необходимости — защищать.

Что именно Вера с Виталиком делали или собирались делать в тот день, Оля не знала. Но когда подружки увидели эту парочку, они страстно целовались, а парень даже тискал Веру за грудь. И она не возражала, ведь ее руки крепко обнимали его шею. И Ляля увидела у парня на шее родимое пятно. То самое, о котором рассказывала Вера. Отличительная черта что надо, такую увидишь даже с большого расстояния. Вот Оля все никак и не могла отвести глаз от этого причудливого знака. Так они и стояли — молодые, красивые, целующиеся в окружении серых стен недостроенного здания. А напротив них — три недоумевающие девчонки.

Первой прервала любовную сцену Вика, которая была готова взорваться от негодования:

— Мы ее по всему городу ищем, а она тут сосется!

Оля помнила каждое слово, сказанное в тот день, ведь те события она прокручивала в голове снова и снова.

После Викиных слов Вера резко отпрянула от парня и уставилась на подруг.

— Девочки?.. — Она будто никак не могла понять, что это и правда они. — Вы откуда здесь?

— Вер, ну ты вообще, — грустно сказала Валька. — Мало того, что променяла нашу встречу на свидание, так еще и не потрудились места другого найти.

— Валь, ты чего? Я ничего не променивала!.. Это, кстати, Виталик, я вам про него рассказывала, — смущенно лепетала Вера. — Как вы узнали, что мы здесь будем?

— Привет, девч... — попытался поздороваться парень.

— Вер, хорош прикидываться, че ты дурочку тут включаешь! — выпалила раздраженно Валька.

— Подожди, — вмешалась Оля. — Она, по-моему, забыла обо всем.

— О чем забыла?

Вера действительно хотела разобраться, что подружки делают сегодня на «катакомбах» и почему злятся на нее.

— Верка, ты что, правда забыла про наш тур на «катакомбы»? — спросила с обидой Валя.

— Вы что, конечно же, нет! Я все помню, мы же столько дней готовились! Я специально Виталика сюда позвала, чтобы все осмотреть, чтобы, если вам в следующую субботу станет страшно, я вас подбодрю, мол, не дрейфить, я тут уже все знаю.

— Она еще и сама его сюда притащила! Офигеть! — шипела Вика.

— Какую следующую субботу, Вер? Мы сегодня должны были сюда прийти, мы вчетвером! Зачем ты его привела? — огорченно протянула Оля.

— Как сегодня?! — ужаснулась Вера. Она поняла, что спорить бесполезно и в этой ситуации она виновата сама — раз все подруги помнили, что тур сегодня, значит, о нем забыла именно она. — Блин, вот косяк!

— Вот-вот. Мы тоже так подумали, когда пришли к тебе, а твои родители сказали, что ты куда-то без нас ушла, — сообщила Валя.

— Девочки, простите! Простите, пожалуйста! — Вера, казалось, уже забыла про своего парня, подбежала к подругам и стала извиняться. — Блин, блин! Как я могла так перепутать?

— Потому что головой надо было думать, а не другими местами, — не унималась Вика. — Коза ты, Верка!

— Эй, слышь, малая! Ты полегче давай, следи за словами! — вступился за девушку Виталик. — Вера, хватит с ними трепаться, пошли погуляем лучше.

— Рот свой закрой, урод! — выругалась Вика.

Она с такой злостью глянула на парня, что тот поначалу опешил, но быстро пришел в себя. Подойдя к Вере, он взял ее за руку и потянул в противоположную от подруг сторону — к лестницам, ведущим вниз.

— Виталик, подожди, я не могу.

Вера высвободила руку и быстро отошла от кавалера. Встав почти у края недостроенной комнаты, она умоляюще посмотрела на подруг.

— Да ты и с нами сейчас не сможешь, Вера. Ты все испортила! — выпалила Валя.

— Девочки, ну простите!

— Вер, я чего-то не понял, ты променяешь наше свидание на разборки с ними?

— Виталик, прекрати! Давай потом встретимся и поговорим. Пожалуйста, уйди! — попросила Вера.

Но ухажер не унимался:

— Так, молодежь, давайте, двигайте отсюда. — Говоря это, он обошел недоумевающих девчонок и вновь встал рядом с возлюбленной. — Вер, я сейчас все улажу, не беспокойся, — сказал он потихоньку, так, чтобы его могла слышать только она.

— Виталик, правда не надо, — так же тихо ответила Вера.

— Че вы там шушукаетесь? Вера, учти: продинамишь нас сейчас — дружбе конец! — по-прежнему злобно крикнула Вика.

— Вика, перестань! — пыталась утихомирить разгоряченную подругу Валя. — Сейчас все решим. Мы попросим его уйти, а Вера останется с нами.

— И мы ей так это простим? Она же натурально нас кинула! Это свинство полное! Это... это... Вера, ты проститутка, вот ты кто!

Виталик, который до этого нежно держал Веру за руку, отпустил ее и сделал шаг в сторону орущей Вики.

— А ты отвали, гад! Стой, где стоишь!

— Замолкни, истеричка! — нервы парня не выдержали, и он тоже начал орать.

Вика, покраснев от гнева, подлетела вплотную к Виталику и толкнула его в грудь обеими руками.

— Ну давай! Давай! Только оскорблять можешь?

— Вика, прекрати сейчас же! — Вера не на шутку перепугалась.

Валя пришла ей на помощь и тоже стала уговаривать Вику успокоиться:

— Вика, угомонись! Оставь его в покое!

Но Вика уже не могла остановиться. Продолжая оскорблять Виталика, она все толкала его, а он отходил на-

зад, смущенный и, казалось, не понимающий, что делать. Он ведь не мог дать сдачи девчонке, даже если она первая начала.

Подруги не успели помочь бедному парню. В порыве ярости Вика даже не заметила, как подтолкнула Виталика к самому краю. От ее очередного удара в грудь он по инерции отступил назад, но там уже ничего не было. Пролетев четыре этажа, парень упал прямо на арматуру, торчавшую из пола в том месте, которое должно было стать шахтой лифта.

На несколько секунд повисла гробовая тишина, как будто все разом вдохнули и не могут выдохнуть.

— А-а-а! — Полный ужаса крик Веры привел девчонок в чувство. — Виталик! Виталик! Я сейчас!.. Подожди!.. Я... Я сейчас приду!

Вера свесила одну ногу с края так, как будто собиралась отправиться к Виталику с четвертого этажа.

— Помогите! — Она протянула руки. — Подержите, я спрыгну!

Увидев, что у Веры истерика, Валя подбежала к ней и, схватив за руки, рывком усадила на пол. Опустившись на колени, она вlepила Вере пощечину. Это помогло.

Оля растерянно смотрела на подруг, не понимая, что делать. Валя успокаивала Веру, а Вика, поняв, что натворила, рухнула там, где стояла, и теперь истерично рыдала.

— Я не хотела, не хотела!.. Мамочка!.. Девочки, я не хотела!.. Я не знаю... не знаю, как это вышло!

Вика теперь могла только шептать. От ее недавнего гнева не осталось и следа. Вмиг став беззащитной четырнадцатилетней девочкой, она смотрела на Веру и Валю так, будто они могли объяснить ей, как это произошло.

— Девочки, как же так вышло? Что же теперь со мной будет?

Вера перестала плакать и молнией кинулась к ней.

— Ты! Ты! Дура! Убийца!

Вера кричала так, что ее было слышно во всем здании. Схватив Вику за плечи, она начала трясти ее что было сил,

а та и не сопротивлялась. Через несколько минут Вера выбилась из сил. Или поняла, что убивать подругу нет смысла. Она села рядом с плачущей Викой. Слезы текли по щекам, но Вера не издала ни звука, пока не увидела, как Валя и Оля стоят на краю и рассматривают погибшего.

— Валя, Оля, отойдите оттуда, — приказала Вера.

Воспользовавшись потасовкой, Валька взяла Лялю за руку, и они подошли к краю — посмотреть, что же там внизу. Валя была всего на год старше Оли, они считались самыми маленькими в компании, и иногда старшие подруги относились к ним соответственно: могли сказать, чтобы те закрыли уши, не разрешали участвовать в каких-нибудь разговорах, не давали смотреть телевизор, если там показывали пикантные сцены. Сейчас же некому было проследить, чтобы Валя с Лялей не увидели труп. Виталик лежал внизу так, как будто спал: руки подняты к голове, одна нога прямая, вторая согнута, и только глаза открыты. Он не двигался и не издавал ни звука.

Оля впервые увидела мертвого человека. Тогда она просто сильно испугалась, вся внутренне сжалась, но не проронила ни слова. Они стояли с Валькой вдвоем и смотрели на тело. После громкого окрика Веры девочки отошли от края. Старшая подруга, казалось, отошла от шока, теперь лицо ее было сосредоточенным, и слезы больше не текли.

Вика же все никак не могла прийти в себя. Перестав рыдать, она уставилась в одну точку и только тихо повторяла: «Мамочка, мамочка моя...» Подруги знали, что Вика сейчас действительно может думать только о своей матери, которая одна воспитывает дочь и души в ней не чаёт. Вика росла без отца, никогда его не видела, и, кроме мамы, у нее никого больше не было. Поэтому она старалась ее огорчать поменьше, делала все, чтобы помочь ей, даже пыталась работать — развешивала рекламные объявления. Вика любила маму и знала, что является смыслом ее существования. Мать не переживет, если дочь посадят в тюрьму.

— Нам, наверное, нужно кого-то позвать, — произнесла Оля первое, что пришло ей в голову.

После этих слов Вика перестала рыдать и растерянно посмотрела на Лялю, а потом на сидящую рядом Веру.

Вера тоже понимала, какие мысли сейчас занимают подругу. А еще она понимала, что им ни в коем случае нельзя рассказывать кому-либо о случившемся. В голове у Веры уже созрел план: успокоить девочек, договориться молчать о «катакомбах», придумать всем вместе, как выкрутиться из этой беды, и жить дальше.

— С ума сошла! — заорала Вера, а потом, смягчившись, добавила: — Лялечка, пойми, если мы позовем кого-то — взрослых, например, — они приведут милицию. Вику посадят в тюрьму, а ее мама умрет от горя, — тихо пыталась втолковать Оле подруга.

Вика, услышав Верины слова, казалось, пришла наконец-то в себя. Подскочив с пола, она подбежала к Оле.

— Ляля, миленькая... Девочки... — Она обвела подруг быстрым испуганным взглядом. — Не отдавайте меня им, не рассказывайте! Мне нельзя в тюрьму, совсем нельзя!

Вытерев слезы, Вика стояла посреди комнаты и смотрела по очереди на каждую из подруг. Потом ее глаза остановились на Вере.

— Вера, Верочка! — Вика упала на колени и поползла в Верину сторону. — Вера, прости! Прости, я же не хотела!

Уткнувшись лицом Вере в живот, Вика снова заплакала, повторяя: «Я не хотела, прости! Прости!»

— Девочки, а вдруг нас накажут?

Вспоминая тот день, Оля каждый раз удивлялась, какой настырной она была тогда.

— Ляля, я не хочу, чтобы Вику забрали у нас, — посмотрела укоризненно на подругу Валя.

— Но ведь она не специально! Вика же не хотела. Получается, она не виновата, — не унималась Оля. — А если родители узнают и отругают нас, что мы им ничего не сказали?

— Олечка... — Вера подошла к подруге и обняла ее. — Оля, ты права, она не специально, это несчастный случай. Но если взрослые узнают об этом, Вику заберут

и мы ее больше никогда не увидим. Никогда-никогда, понимаешь?

Вера отстранилась от Оли и посмотрела на нее сверху вниз.

— Нам никому-никому нельзя об этом рассказывать, — добавила старшая из подруг.

— Ладно, — смиренно согласилась Оля, поняв, что, кроме нее, никто не хочет объяснять взрослым, что произошло.

— Вот и умничка, — подхватила Вика. — Все будет хорошо, просто нам надо договориться все сохранить в тайне. Это будет наш секрет. Наш общий секрет.

И они договорились, не стали никому рассказывать о случившемся. Для родителей они придумали историю, что с утра до вечера были у Веры (в тот день у нее дома никого не было). А как случилось, что Виталика не хватились ни в семье, ни в школе, девочки и сами не поняли. Но к ним никто не приходил и не спрашивал, как в фильмах, что они делали такого-то числа в субботу днем. Вера как-то обмолвилась, что Виталик жил с бабушкой и что она не очень-то заботилась о внуке. Может, когда он исчез, она даже не стала его искать? В любом случае примерно через год все четверо подзабыли о трагедии и постепенно перестали вздрагивать, когда в дверь стучали или звонили или когда милиционеры на улице бросали на них случайные взгляды.

Через год Вера окончила школу и поступила в университет. Каждые выходные она делилась с подругами впечатлениями от взрослой жизни: какая на вкус «Маргарита», на каких парах удается поспать после клуба, что такое секс и зачем нужны презервативы. Конечно же, Вера училась хорошо и занятия практически не пропускала, но подругам это было неинтересно.

Еще через два года школу окончила Вика, которая тоже успешно сдала вступительные экзамены в институт и поступила на юридический.

В общем, жизнь шла своим чередом, и казалось, что никакого Виталика вовсе и не было. Но в тот вечер, ког-

да подруги праздновали Викино поступление, Оля впервые увидела ЭТО. Алкоголь, который ради хохмы подруги подлили ей в сок, сыграл злую шутку. Хватило даже немного вина, чтобы задурманенное сознание показало Оле Виталика. В тот первый раз он лежал в ванне — конечно же, мертвый и с арматурой, торчащей из груди.

Первое время Оля никому ничего не рассказывала, но когда видения стали преследовать ее, она пожаловалась подругам. Те всерьез перепугались, сказали, что помогут, только пусть Оля ни с кем посторонним не делится. Вера обратилась к своей знакомой, которая училась в том же вузе, на факультете психологии. Подруги научили Олю, что рассказать психологу, при этом не говоря правды. Оля должна была все представить как сон, как будто ей постоянно снится один и тот же кошмар, который иногда мерещится наяву. Так она и сделала. Последующие годы видения уже преследовали ее изредка, но походы к психологу всегда выручали. Это была все та же Верина знакомая, и она брала с Оли символическую плату. Когда Оле удавалось рассказать о том случае кому-то, пусть и преподнося его как сон, ей всегда становилось легче.

В выпускной год и первый год в универе видений совсем не было — помогала бешеная занятость. Но потом, спустя несколько лет после трагедии, начались потери. Первой ушла мама Вики — сердечный приступ. Затем Верин брат — ДТП. В последующие три года у Вали умерли все — родители и бабушка. Последними стали Олины мама с папой — крупная авария с участием автобуса. Никто из девочек не связывал эти смерти с трагедией из детства. Но Оля знала, что близкие гибнут именно поэтому, это была расплата за то, что они сделали с Виталиком. Оля была в этом уверена, потому что он являлся ей каждый раз перед тем, как кто-нибудь уходил из жизни.

За день до того, как погибли Олины родители, она увидела Виталика на автобусной остановке: он сидел на лавочке с открытыми глазами и все с той же арматурой. Зажмурившись и сосчитав до десяти, она снова посмотре-

ла на остановку. Никого. Вернулась домой Оля в тот день поздно — предчувствие беды заставило ее долго слоняться по парку в поисках решения, созывать подруг на очередной совет или нет. Она давно собиралась поделиться своей теорией, что эти смерти неслучайны, что так девушки расплачиваются за гибель Виталика и свое молчание. Она хотела предложить наконец-то все рассказать полиции, чтобы избежать дальнейших жертв, но боялась, что они не станут ее слушать и опять отправят к психологу. Поэтому в тот день она просто в очередной раз побродила в раздумьях, а придя домой, снова увидела его, второй раз за день, чего раньше никогда не было. Виталик лежал на ее кровати с открытыми глазами и с арматурой. Привычным способом удалось прогнать видение, а потом Оля наглоталась таблеток и легла спать. А на следующий день ей сообщили о смерти родителей.

Свою теорию Оля рассказала подругам в день похорон мамы и папы. Само собой, девочки посчитали Олины слова бредом, пообещали помочь деньгами, прислать психолога (опять) и предложили взять отпуск, съездить куда-нибудь, отдохнуть и успокоиться. Она так и сделала, поскольку не видела другого выхода. Да и против подруг идти не хотела.

В последующие два года, к счастью, никто не умер, и жизнь вроде бы наладилась. Если, конечно, это можно было назвать жизнью. Никто из девочек не болел, не бедствовал, не сидел в тюрьме, но и личного счастья никому из них не удавалось построить. Будущее, которое им с детства пророчили друзья и знакомые, не сбывалось. Они ни разу не гуляли на свадьбе друг у друга. Блестящей карьеры тоже никто не построил. Детей Бог тоже никому не дал. В общем, так они и жили — по-прежнему вместе, часто встречались, несмотря на годы и невзгоды, помогали друг другу во всем, но каждая из четырех теперь уже женщин была, по сути, несчастна. Вера испытывала это «женское несчастье» сильнее остальных: ей было уже за тридцать, и с каждым годом шансы найти мужа и завести ребенка

уменьшались. И может быть, в наше время женское одиночество — не такая уж большая проблема, но дело в том, что каждая из них хотела семью и мечтала об этом гребаном «простом женском счастье». Даже Вика, которая, как иногда казалось подругам, вообще ни о чем не помышляла, кроме как о клубах, пропитии зарплаты и снятии парней, последние полтора года поддерживала их «скучные» разговоры о том, где бы найти стоящего мужчину или хотя бы накопить денег на ЭКО.

Оля к своим 26 годам потеряла пять неудач с парнями, каждый из которых виделся «тем самым», но в итоге оказывался совсем другим. За три года, что Оля пыталась забеременеть от разных мужчин, у нее случилось два выкидыша. В конце концов она прекратила попытки построить нормальные отношения или завести ребенка и просто доверилась судьбе.

Пока все эти воспоминания проносились экспрессом в Олиной голове, прошло больше часа. Девушка даже не заметила, как выпила половину содержимого бутылки. Окинув взглядом лоджию, она обреченно вздохнула и в который раз с завистью подумала о Марине. Именно в ее квартире проснулись сегодня подруги.

Марина появилась в их жизни три года назад. Вера познакомилась с ней в реабилитационном центре для инвалидов, где она работала, и привела новенькую в компанию. Поначалу девушки настороженно отнеслись к ней, мало куда приглашали, если они собирались вчетвером, часто отказывались прийти в гости и иногда могли не отвечать на звонки. Но Вера настояла на том, чтобы принять в их команду нового члена. Как-то на очередной встрече подруг она рассказала, что Марина очень добрая и порядочная и что она, пожалуй, самый нормальный человек, которого Вера встречала за последние годы. После Вериных слов трудно было относиться негативно к Марине, и постепенно она вписалась в компанию.

С каждой новой встречей девочки все больше понимали, что Вера оказалась права: Марина — поразительный

человек. Невероятно отзывчивая, совершенно не злая, готова прийти на помощь в любое время и в любое место. Как-то у Вали по пути из другого города сломалась машина, так Марина приехала за ней с эвакуатором, заплатила сама за все, а потом Валя ее еще несколько месяцев уговаривала забрать деньги.

К слову, Марина была богатой, успешной и красивой, но подруг она пленила не этим, а тем, что просто светила счастьем. Тем счастьем, которого так не хватало каждой из них. У нее всегда все было хорошо: обеспеченные родители, сплошные пятерки в школе, учеба в заграничном университете, свой бизнес, позволявший ей к тому же работать в реабилитационном центре волонтером, и красавец жених. И при всем при этом Марина никогда не выпячивала своего счастья, не хвалилась ни деньгами, ни красотой, ни женихом. Она просто была рада всему, что ее окружало, или одному тому факту, что жила на этом свете. И это ее счастье — простое, наивное, детское — было видно окружающим. От Марины хотелось заряжаться им, как от батарейки электричеством.

Марина стала подругой для каждой из четырех девочек. Она не стала пятой, не была близкой, как сестра, но она стала своей. А когда Марине года полтора назад сделали предложение и она начала готовиться к свадьбе, подруги словно ожили вместе с ней. У них наконец-то появилась возможность погулять на свадьбе! Марина сразу попросила всех четверых быть подружками невесты. Начались приятные хлопоты. Они вместе выбирали платье, искали ресторан, думали над декором. А ведь покупка нарядов для подружек невесты и организация девичника — это вообще одни из самых счастливых моментов.

Подруги никогда не завидовали Марине. Просто завидовать было бы очень глупо. По крайней мере, вслух никто не говорил о ней ничего плохого, например, что она выскочка, не заслужила всего этого и так далее. Разве что Вика, которая всегда находила к чему придаться и как обидеть. Но если она и говорила о Марине что-нибудь

нелицеприятное, то только за ее спиной. В лицо — не хватало духу.

Хотя все знали, что глупо завидовать Маринке и желать оказаться на ее месте, иногда Оля позволяла себе такое. Больше всего ее давила жаба по поводу того, что у Марины есть жених, да еще какой! Эту квартиру, например, после свадьбы он собирался переписать на супругу, которая последние пару лет и так здесь жила.

Квартира была чудесной, в ней располагалось более десяти комнат, если считать две небольшие гардеробные, и она занимала весь этаж. Чего только тут не было: бар, игровая комната, огромная ванная и еще одна поменьше, несколько спален, несколько балконов и лоджий. Оля бывала здесь не единожды, но до сих пор не переставала удивляться.

Маринин жених Максим тоже был богат. А чего удивляться — деньги к деньгам, как говорится.

«Как же Маринке повезло... Господи, глупо, конечно, так думать, но все же ей очень повезло... Хотя, может, это просто Максим такой? Где же она его нашла?.. Наверное, он дурак. Ну какой умный влюбится в Маринку? Господи, прости за такие мысли!.. И все равно. Он еще и девичник разрешил ей здесь устроить. Неужели он и правда так ее любит?» — думала Оля, допивая последний бокал.

Опустошив обе бутылки — и колу, и мартини, — она встала со стула и пошла к холодильнику с алкоголем. Мартини там не оказалось. Тогда она достала бутылку белого вина и вернулась на место. «Девичник, конечно, удался, — с иронией подумала Оля. — Еще и девочки со своим дебильным розыгрышем. Дуры!.. Блин, а где Марина-то? Сидим тут, как у себя дома, деловые такие...» Размышляя над тем, где же Марина, Оля попутно искала, чем бы открыть вино. Возле холодильников был ящик с барными принадлежностями вроде шейкера, специальных ложек и щипцов для льда. Нашелся и штопор. Откупорив бутылку, Оля налила немного вина и пригубила. На вкус оно оказалось приятным, немного сладковатым и слегка

терпким — даже вкуснее, чем мартини с колой. Оля была уверена, что Марина не разозлится, что она тут похозяйничала, но не стала злоупотреблять гостеприимством. Заполнив бокал наполовину, она поставила бутылку на место. Решила, что этого хватит, чтобы прийти в себя, а потом собраться и наконец уйти домой.

Тут из глубины квартиры донесся жуткий женский крик. Первым желанием Оли было сорваться и побежать, но, вспомнив про живую «мертвую» Вальку, поняла, что подруги до сих пор никак не уgomонятся и, наверное, решили продолжить веселье. Она слышала, как девчонки топают по коридору, зовут Марину и ее, Олю. Она не стала отзываться, а сидела, ухмыляясь, и попивала вино.

Так ее и застала Валя, которая ворвалась в гостевую спальню и, увидев, что дверь на балкон открыта, пошла туда.

— Оль, там труп, — испуганно сообщила подруга.

Оля даже не повернула головы:

— Ага.

— Оль, я не вру, там, в комнате, какой-то мужчина, и он... он мертвый, кажется.

— Ну и что?

— Надо всем собраться и решить, что делать. Только мы Марину нигде найти не можем, — лепетала Рыжая.

— Ну, можете ей даже не звонить — трубку она не берет.

— Откуда ты знаешь?

— Ее телефон все утро звенел, и никто не ответил.

Оля по-прежнему сидела, уставившись в закрытое окно.

— И что же нам делать? Это ведь ее квартира. Как нам вызвать полицию без Марины?

— Ха-ха, полицию даже?

Валя подошла, положила руку Оле на плечо и развернула ее к себе. Посмотрев на подругу, Оля подумала, что, может, она и не врет, но не стала говорить этого вслух.

— Оль, я правду говорю: в комнате, в той, что с подиумом, сидит мертвый мужчина.

— Прямо сидит?

— Ну да.

— Валь, это бред какой-то. Давайте вы кого-нибудь другого разыграете, а? Я хочу спокойно посидеть, — разозлилась Оля. Если там и был труп, она в этом совсем не хотела разбираться.

— Оль, пожалуйста, давай туда пойдём. Там сейчас все девочки, надо что-то делать.

— Ладно, — согласилась Оля. — Откуда здесь вообще мужику-то взяться?

Они прошли по длинному коридору мимо кухни в другой конец квартиры, где находились все второстепенные комнаты вроде игровой, гостиной, второй ванной и красивой комнаты с эркером, предназначенной для отдыха. Здесь была стереосистема, огромный телевизор, большой диван и тахта и даже подиум с шестом. У входа в комнату стояла бледная Вика. Длинные черные волосы она успела собрать в хвост.

— Второй мертвяк за один вечер? Девочки, да вы переплюнули сами себя! — съязвила Оля.

— Ляль, это не мы, честно, — сказала Вика очень серьезно.

Оля перевела недоверчивый взгляд на Рыжую, но та тоже не хотела колотиться.

— А чего он и правда сидит, если он мертвый? — все еще с недоверием спросила Оля.

— Сама посмотри, — донесся из комнаты Верин голос. — Может, ты знаешь, кто это?

— Что за бред? Вы вообще уже съехали с катушек!

С этими словами Оля вошла в комнату в полной уверенности, что подруги опять разыгрывают ее и никакого трупа там нет. Но он был. Полуголый мужчина без признаков жизни сидел на подиуме со связанными за шестом руками. Голова безвольно повисла, а на груди виднелись следы крови. Увидев его, Оля пулей выскочила в коридор. Прижавшись спиной к стене, она часто задышала, готовая заплакать от испуга, но ей на помощь пришли подруги. Вика взяла ее лицо в свои ладони и сказала: